

**Научный журнал
«ЭПОМЕН»**

**Epomen
Scientific Journal**

электронное периодическое научное издание

**№ 75, Февраль 2023
No. 75, February 2023**

ISSN 2686-6722

Учредитель: ООО «Эпомен»

Адрес редакции: 350073, Краснодарский край, г. Краснодар, п. Краснодарский,
проезд 2-й Апшеронский, д. 11а

Адрес электронной почты: info@epomen.ru

© ООО «Эпомен», 2023

Состав редакции журнала

Главный редактор:

Усенко Сергей Валентинович, канд. юрид. наук, доцент

Редакторы тематических разделов:

Адаменко Александр Александрович, д-р экон. наук, профессор

Бурда Алексей Григорьевич, д-р экон. наук, профессор

Данилова Марина Ивановна, д-р филос. наук, профессор ВАК

Дашин Алексей Викторович, д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор

Дикаев Салман Умарович, д-р юрид. наук, профессор

Курдюк Петр Михайлович, д-р юрид. наук, профессор

Мамитова Наталия Викторовна, д-р юрид. наук, профессор

Непшекуева Тамара Сагидовна, д-р филол. наук, профессор

Никитина Татьяна Викторовна, д-р экон. наук, профессор

Самойлов Сергей Федорович, д-р филос. наук, профессор

Сапфинова Аполливария Александровна, д-р юрид. наук, доцент

Торосян Вардан Григорьевич, д-р филос. наук, профессор

Тебекин Алексей Васильевич, д-р экон. наук, д-р техн. наук, профессор

Тюпаков Константин Эдуардович, д-р экон. наук, профессор

Халифаева Анжела Курбановна, д-р юрид. наук, профессор

Харченко Игорь Яковлевич, д-р техн. наук, профессор

Яковец Евгений Николаевич, д-р юрид. наук, профессор

Башкатов Вадим Викторович, канд. экон. наук, доцент

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доцент ВАК

Гущина Людмила Ивановна, канд. ист. наук, доцент

Кондратьева Татьяна Сергеевна, канд. филол. наук, доцент

Масленникова Людмила Владимировна, канд. юрид. наук, доцент ВАК

Очаковский Виктор Александрович, канд. юрид. наук, доцент

Песоцкая Елена Николаев, канд. филос. наук, доцент, профессор Российской Академии Естествознания

Руденко Евгения Юрьевна, канд. юрид. наук

Нетишинская Любовь Фёдоровна, канд. юрид. наук, доцент

Франциско Ольга Юрьевна, канд. экон. наук, доцент

Франческо Дзекка (Италия), доцент, специалист в области агропродовольственной экономики

Казарян Эдуард Сергеевич (Армения), д-р экон. наук, профессор

Варданян Гоар Вазгеновна (Армения), канд. экон. наук, профессор

Марченкова Екатерина Евгеньевна (Беларусь), канд. филос. наук, доцент
Хлус Александр Михайлович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Хилюта Вадим Владимирович (Беларусь), канд. юрид. наук, доцент
Трясунова Ольга Евгеньевна (Беларусь), старший преподаватель экономического факультета Белорусского государственного университета

Помощник главного редактора: Горбоносова Анастасия Игоревна

Младшие редакторы: Фруслов Данил Геннадьевич, Иванова Виктория Александровна

Editorial Staff

Editor-in-Chief:

Usenko Sergey Valentinovich, Candidate of Law, assistant professor

Topic editors:

Adamenko Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Economics, professor

Burda Aleksey Grigoryevich, Doctor of Economics, professor

Danilova Marina Ivanovna, Doctor of Philosophy, VAK¹ professor

Dashin Aleksey Viktorovich, Doctor of Law, Candidate of History, professor

Dikayev Salman Umarovich, Doctor of Law, professor

Kurdyuk Petr Mikhaylovich, Doctor of Law, professor

Mamitova Nataliya Viktorovna, Doctor of Law, professor

Nepshekuyeva Tamara Sagidovna, Doctor of Philology, professor

Nikitina Tatiana Viktorovna, Doctor of Economics, professor

Samoylov Sergey Fedorovich, Doctor of Philosophy, professor

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna, Doctor of Law, assistant professor

Torosyan Vardan Grigoryevich, Doctor of Philosophy, professor

Tebekin Aleksey Vasilyevich, Doctor of Economics, Doctor of Technical Sciences, professor

Tyupakov Konstantin Eduardovich, Doctor of Economics, professor

Khalifayeva Anzhela Kurbanovna, Doctor of Law, professor

Kharchenko Igor Yakovlevich, Doctor of Technical Sciences, professor

Yakovets Evgeny Nikolaevich, doctor of law, Professor

Bashkatov Vadim Viktorovich, Candidate of Economics, assistant professor

Yenikejev Anatoliy Anatolyevich, Candidate of Philosophy, VAK assistant professor

Gushchina Lyudmila Ivanovna, Candidate of History, assistant professor

Kondratyeva Tatyana Sergeevna, Candidate of Philology, assistant professor

Maslennikova Lyudmila Vladimirovna, Candidate of Law, VAK assistant professor

Ochakovskiy Viktor Aleksandrovich, Candidate of Law, assistant professor

Pesotskaya Yelena Nikolayevna, Candidate of Philosophy, assistant professor, professor of the Russian Academy of Natural History

Rudenko Yevgeniya Yuryevna, Candidate of Law

Netishinskaya Lyubov Fedorovna, Candidate of Law, assistant professor

Frantsisko Olga Yuryevna, Candidate of Economics, assistant professor

Francesco Zecca (Italy), Associate Professor in Agri-Food Economics

Eduard Ghazaryan (Armenia), Doctor of Economics, professor

¹Higher Attestation Commission (Russian: Высшая аттестационная комиссия, ВАК)

Vardanyan Gohar Vazgenovna (Armenia), Candidate of Economics, professor

Marchenkova Ekaterina Evgenievna (Belarus), Candidate of Philosophy, assistant professor

Khilus Alexander Mikhailovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor

Khilyuta Vadim Vladimirovich (Belarus), Candidate of Law, assistant professor

Tryasunova Olga Yevgenyevna (Belarus), senior lecturer of the Faculty of Economics of the Belarusian State University

Assistant Editor-in-Chief: Gorbonosova Anastasiya Igorevna

Junior editors: Fruslov Danil Gennadyevich, Ivanova Viktoriya Aleksandrovna

Содержание

Экономические науки

Амвросов В. А., Стрикало К. А.

Проблемы, препятствующие развитию российских паевых инвестиционных фондов, и возможные пути их решения (стр. 10–19)

Гнатюк С. Н.

Развитие экономики Беларуси в условиях внешних шоков (стр. 20–29)

Игнатов А. И.

Оценка влияния макроэкономических факторов на развитие экономики на примере Соединенных Штатов Америки (стр. 30–39)

Кульментьева Г. И.

Региональные аспекты функционирования и развития малого предпринимательства в России (стр. 40–53)

Соколова Л. Г.

Региональные аспекты создания системы управления производительностью труда (стр. 54–62)

Темнова Н. К., Хасанова О. А.

Развитие подходов к оценке уровня конкурентоспособности государственных учреждений дополнительного образования детей (стр. 63–76)

Шаров Е. Д., Шубат О. М.

Проблемы оперативного планирования на механическом производстве: анализ влияющих факторов (стр. 77–87)

Юридические науки

Баженов О. Н.

К вопросу о совершенствовании механизма противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых лицами, с использованием информационно-коммуникационных технологий (стр. 88–94)

Грибков А. В.

Уголовный закон как отражение общественной опасности неосторожных преступлений (стр. 95–104)

Петрякова Л. А., Асташкина П. Д.

Компаративистский анализ зарубежного законодательства стран англосаксонской правовой семьи и норм российского уголовного законодательства об ответственности за мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (стр. 105–115)

Попов П. А.

Некоторые проблемы организации зонального контроля за деятельностью подчиненных следственных подразделений (стр. 116–123)

Цыкунова И. Н., Паникаренко Э. В.

Цифровые (электронные) данные как новый источник доказательств в уголовном процессе (стр. 124–134)

Table of Contents

Economics

Amvrosov V. A., Strikalo K. A.

Problems Hindering the Development of Russian Mutual Investment Funds and Possible Solutions (pp. 10–19)

Gnatyuk S. N.

Development of the economy of Belarus in the conditions of external shocks (pp. 20–29)

Ignatov A. I.

Assessment of the impact of macroeconomic factors on the development of the economy on the example of the United States of America (pp. 30–39)

Kulmenteva G. I.

Regional aspects of the functioning and development of small business in Russia (pp. 40–53)

Sokolova L. G.

Regional aspects of creating a labor productivity management system (pp. 54–62)

Temnova N. K., Khasanova O. A.

Development of approaches to assessing the level of competitiveness of state institutions of additional education for children (pp. 63–76)

Sharov E. D., Shubat O. M.

Problems of operational planning in mechanical production: analysis of influencing factors (pp. 77–87)

Law

Bazhenov O. N.

On the issue of improving the mechanism for countering crimes in the field of drug trafficking committed by persons using information and communication technologies (pp. 88–94)

Gribkov A. V.

Criminal law as a reflection of the public danger of reckless crimes (pp. 95–104)

Petryakova L. A., Astashkina P. D.

Comparative analysis of foreign legislation of the countries of the Anglo-Saxon legal family and the norms of Russian criminal law on liability for fraud using information and telecommunication technologies (pp. 105–115)

Popov P. A.

Some problems of the organization of zonal control over the activities of subordinate investigative units (pp. 116–123)

Tsykunova I. N., Panikarenko E. V.

Digital (electronic) data as a new source of evidence in criminal proceedings (pp. 124–134)

DOI: 10.58589/26866722_2023_75_10

УДК/UDC 336.767

Проблемы, препятствующие развитию российских паевых инвестиционных фондов, и возможные пути их решения

Амвросов Владимир Анатольевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры международных финансов

Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации

г. Москва, Россия

e-mail: Amvrosov47@mail.ru

Стрикало Кристина Андреевна

магистрант

Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации

г. Москва, Россия

e-mail: strikalo.kristina@gmail.com

Аннотация

Развитие индустрии паевых инвестиционных фондов играет важную роль в повышении уровня благосостояния страны. Аккумулируя огромные инвестиционные ресурсы, паевые фонды способны оказывать серьезное влияние на национальную экономику, финансируя ее через инструменты фондового рынка. В статье проведен анализ современного состояния рынка коллективных инвестиций в России, выявлены национальные особенности индустрии, а также предложены возможные пути решения проблем, препятствующих развитию российских паевых инвестиционных фондов. Автором был сделан вывод о том, что в России существует ряд проблем, которые не позволяют в полной мере использовать потенциал данных институтов коллективных инвестиций. Решение этих вопросов позволит привлечь на национальный рынок долгосрочные финансовые ресурсы, которые обеспечат инновационное развитие российской экономики, что крайне важно в условиях «новой реальности».

Ключевые слова: паевые инвестиционные фонды, коллективные инвестиции, национальные особенности, пути решения.

Problems Hindering the Development of Russian Mutual Investment Funds and Possible Solutions

Amvrosov Vladimir Anatolievich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of International Finance

Moscow State Institute of International Relations

Moscow, Russia

e-mail: Amvrosov47@mail.ru

Strikalo Kristina Andreevna

undergraduate
Moscow State Institute of International Relations
Moscow, Russia
e-mail: strikalo.kristina@gmail.com

Abstract

The development of the mutual fund industry plays an important role in improving the welfare of the country. By accumulating huge investment resources, mutual funds are able to have a serious impact on the national economy, financing it through stock market instruments. The article analyzes the current state of the collective investment market in Russia, identifies the national characteristics of the industry, and also suggests possible ways to solve problems that hinder the development of Russian mutual investment funds. The author concluded that in Russia there are a number of problems that do not allow the full use of the potential of these collective investment institutions. The solution of these issues will make it possible to attract long-term financial resources to the national market, which will ensure the innovative development of the Russian economy, which is extremely important in the conditions of the “new reality”.

Key words: mutual funds, collective investment, national characteristics, solutions.

Развитие индустрии коллективных инвестиций оказывает влияние на благосостояние населения и на уровень развития реального сектора экономики, способствуя его финансированию через инструменты фондового рынка. Мировая статистика инвестиционных фондов указывает на стабильный рост популярности паевых инвестиционных фондов, которые привлекают средства частных вкладчиков, не желающих самостоятельно принимать инвестиционные решения. Все больше инвесторов сосредотачиваются на таких преимуществах, как относительная безопасность вложений из-за неотъемлемой диверсификации портфеля ценных бумаг фонда, так как паевые инвестиционные фонды управляются профессиональными финансовыми менеджерами, которые перераспределяют активы фонда, инвестируя в акции, облигации и другие финансовые инструменты с целью увеличения капитала и роста дохода вкладчиков.

В России отрасль инвестиционных фондов достаточно молода и характеризуется относительно слабым уровнем развития по мировым меркам. Средняя доля чистых активов российских открытых ПИФов в

стоимости активов взаимных фондов в мире не превышает 0,02% [1]. Первый российский паевой инвестиционный фонд был создан в 1996 г., затем в течение двух последующих десятилетий на рынке наблюдались различные этапы развития данных институтов, но в целом была тенденция к росту [2].

Всего по состоянию на конец II квартала 2022 г. насчитывается 2 056 функционирующих ПИФов, из них 1 610 – закрытые, 271 – открытые, 128 – биржевые, 47 – интервальные [3]. По результатам текущего полугодия под их управлением находится 6,7 трлн руб. (84% всех активов индустрии приходятся на фонды для квалифицированных инвесторов) [4].

События 2022 г., а именно изменение внешних условий, внутренней экономической ситуации и действие санкционных ограничений оказали серьезное влияние на индустрию коллективных инвестиций в России. Ряд управляющих компаний прекратили расчет стоимости чистых активов, было приостановлено биржевое обращение инвестиционных паев, а также были заблокированы иностранные активы фондов.

Во II квартале 2022 г. зафиксирован рекордный чистый приток средств в индустрию в размере 358,6 млрд руб., который был обеспечен за счет выдачи паев закрытых ПИФов при чистом оттоке средств из ОПИФов и БПИФов. Приток в ЗПИФы составил 380 млрд руб., причем интересно, что более половины этой суммы было обеспечено одним фондом для квалифицированных инвесторов, созданным в мае 2022 г., пайщиком которого является юридическое лицо [5]. Основными причинами существенного оттока средств из ОПИФов и БПИФов, популярность которых росла среди частных инвесторов в 2021 г., стали отрицательные доходности фондов и реализация инфраструктурных рисков на фоне резкого изменения конъюнктуры финансового рынка.

Однако еще и до 2022 г. индустрия ПИФов в России сталкивалась с определенными проблемами [6], которым следует уделить особое внимание.

Ограниченная емкость фондового рынка России.

Масштабы российского фондового рынка на современном этапе не позволяют решать многие задачи по обеспечению социально-экономического роста страны. Несмотря на активное развитие российского рынка ценных бумаг в начале 2000-х г., когда доля капитализации акций в ВВП выросла с 15,7% до 106,8%, доля биржевых торгов акциями в ВВП – с 8,6% до 43,5%, количество акционерных обществ в листинге – с 21 до 346 за период с 2000 по 2006 гг., после 2014 г. последовало замедление темпов роста российского фондового рынка [1]. Влияние рекордного притока частных инвесторов на фондовый рынок России за период 2020-2022 гг. достаточно сложно оценить однозначно. Это будет зависеть от того, насколько эффективно получится создать доступные миллионам человек условия для долгосрочных инвестиций, а также от способности участников рынка предложить инвесторам интересующие их финансовые инструменты. Российский фондовый рынок на современном этапе не способен обеспечить достаточный набор финансовых инструментов как для институциональных, так и для частных инвесторов, желающих сформировать долгосрочный диверсифицированный портфель с положительной премией за риск по сравнению с вложениями в менее рискованные инструменты мирового рынка ценных бумаг.

Низкая капитализация рынка России, ограниченный набор производных финансовых инструментов и дефицит ликвидных ценных бумаг в значительной степени ограничивают возможности профессиональных управляющих по осуществлению операций хеджирования рисков падения доходности инвестиционных паев, что существенно препятствует развитию индустрии ПИФов [7].

Позитивные сдвиги на финансовом рынке возможны в случае создания выгодных условий для осуществления сделок секьюритизации, развития рынка производных финансовых инструментов, упрощения процедуры государственной регистрации выпуска ценных бумаг, а также обеспечения условий деятельности индивидуальных инвесторов, гарантирующих защиту их прав и вложений.

Структурные дисбалансы рынка ПИФов как отражение институциональных проблем российского фондового рынка.

Основную долю российского рынка коллективных инвестиций формируют активы крупных закрытых паевых инвестиционных фондов, которые представляют собой сферу деятельности состоятельных квалифицированных инвесторов и не ориентированы на привлечение средств частных мелких вкладчиков.

На практике ЗПИФы в России участвуют в реализации строительных и инфраструктурных проектов, а управляющие компании этих фондов часто входят в состав больших холдингов и финансово-промышленных групп. Для крупных инвесторов это открывает возможность структурировать свои активы, обеспечивая минимизацию рисков потери прав собственности, а также льготное налогообложение. Ориентированность управляющих компаний на крупных состоятельных клиентов привела к лоббированию интересов саморегулируемых организаций рынка в совершенствовании законодательной базы без учета запросов массовых индивидуальных инвесторов, что препятствует решению важнейшей задачи трансформации сбережений населения в инвестиции [8].

В этой связи одним из возможных направлений решения проблемы структурного дисбаланса фондового рынка России может быть изменение спецификации статуса и разделение ЗПИФов на два типа:

– ЗПИФы для крупных инвесторов, которые ориентированы на высокорискованную спекулятивную стратегию максимизации дохода;

– ЗПИФы для розничных инвесторов, ориентированных на консервативную стратегию сохранения капитала при невысоком уровне риска.

Незащищенность вложений инвесторов.

При вложении собственных средств в ПИФы инвесторы рискуют всем вложенным имуществом, которое не защищено от банкротства, а также от недобросовестной деятельности управляющей компании (далее – УК). 24 сентября 2021 г. Банком России был утвержден базовый стандарт защиты прав и интересов клиентов акционерных инвестиционных фондов и УК [9], в соответствии с которым вводятся требования к объему информации, предоставляемой потребителям, устанавливаются правила взаимодействия с ними и определяется порядок тестирования неквалифицированных инвесторов перед покупкой паев ЗПИФ, однако это не позволяет решить проблему сохранения вложенного имущества клиентов ПИФов.

Возможным решением данной проблемы может служить создание государственного фонда страхования вложений инвесторов, а также введение обязательного страхования ответственности управляющего ПИФа.

Низкая информационная прозрачность управляющих компаний.

Приток средств индивидуальных инвесторов на финансовый рынок во многом зависит от объема общедоступной информации о структуре инвестиционного портфеля и финансовых результатах деятельности УК. Недостаток подобной информации существенно подрывает доверие населения к финансовым институтам. Более того, на практике инвесторы могут столкнуться с кардинальным и неожиданным изменением профиля ПИФа, так как некоторые российские фонды отклоняются от заявленной

инвестиционной стратегии или от заявленного бенчмарка. В этой связи потенциальные пайщики обладают лишь информацией о том, какую доходность сгенерировал фонд за предыдущие периоды, однако это не позволяет инвесторам в полной мере оценить риск участия в ПИФе.

Существенный вклад в изменение ситуации с информированием инвесторов управляющими компаниями внес Банк России. Согласно принятому решению, с 1 октября 2021 г. все УК обязаны размещать на сайтах компаний основную информацию о деятельности своих ПИФов, включая сведения об их доходности, инвестиционных рисках, комиссионных процентах, крупнейших позициях в активах, а также информацию о возможных предстоящих событиях, от которых может зависеть стоимость паев [10]. Предоставлять это нужно в доступной для широкого круга заинтересованных лиц форме единого информационного документа – паспорта продукта.

Также эффективным решением проблемы повышения уровня доверия к российским институтам коллективных инвестиций могло бы быть создание единой базы статистических данных по ПИФам на основе информации Банка России.

Недостаточный уровень качества управления рисками в УК.

Неверная оценка рисков и неэффективные действия многих управляющих компаний в условиях повышенной неопределенности и нестабильного рынка приводят к снижению доходности вложенных инвесторами средств и оттоку капитала из отрасли. Более того, в силу недостаточного уровня развития института рейтинговых оценок у большинства УК отсутствует мотивация повышения качества и надежности профессионального управления активами клиентов.

Для повышения качества деятельности УК целесообразно ввести в штатное расписание должность риск-менеджера с определенным уровнем квалификации, в компетенции которого будет входить, в том числе,

решение вопросов, связанных с отбором и предоставлением инвесторам необходимой для них информации.

Усиление роли рейтинговых агентств в системе коллективных инвестиций также могло бы быть одним из эффективных направлений решения данной проблемы.

Низкий уровень финансовой грамотности населения.

Развитие рынка коллективных инвестиций в большой степени зависит от уровня осведомленности граждан в области финансов. Несмотря на рекордный приток частных инвесторов на рынок в 2020-2022 гг., вопрос о качественном и устойчивом развитии российского фондового рынка остается дискуссионным. На современном этапе в целом население России недостаточно информировано о всех возможностях фондового рынка и потенциале институтов коллективных инвестиций, что существенно сдерживает рост индустрии.

Решением данной проблемы может послужить разработка государственной программы и комплексное осуществление мер по повышению уровня финансовой грамотности населения России, освещение данных вопросов в СМИ и введение в программу системы образования специальности финансового консультанта.

Таким образом, российский фондовый рынок имеет ряд специфических особенностей, которые препятствуют благоприятному развитию индустрии ПИФов, однако систему коллективных инвестиций необходимо развивать и популяризировать среди населения России, так как потенциал этих институтов действительно велик. Рассмотренные в данной работе возможные пути решения вышеперечисленных проблем функционирования российских ПИФов могут способствовать повышению инвестиционной активности населения и привлечению на национальный финансовый рынок существенного объема долгосрочных финансовых ресурсов, обеспечивающих инновационное развитие экономики и

устойчивое функционирование финансовой системы России, что крайне важно в современных условиях «новой реальности».

Список литературы:

1. Абрамов, А. Е. Экономика инвестиционных фондов: Монография / Абрамов А.Е., Акшенцева К.С., Чернова А. - Москва :Дело АНХ, 2015. - 720 с.
2. Абрамов А.Е., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Российский фондовый рынок: тенденции, вызовы, ориентиры развития // Вопросы экономики. 2021. №11. С. 5-32.
3. Анализ рынков и показателей ПИФ за II квартал 2022 года // НАУФОР. URL: <https://naufor.ru/tree.asp?n=24101> (дата обращения: 14.11.2022).
4. Анализ деятельности управляющих компаний за I полугодие 2022 года // НАУФОР. URL: <http://naufor.ru/tree.asp?n=24471> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Обзор ключевых показателей паевых и акционерных инвестиционных фондов за II квартал 2022 г. // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42236/review_pif_aif_22Q2.pdf (дата обращения: 14.11.2022).
6. Текущее состояние фондового рынка России и основные направления его развития: доклад НАУФОР // НАУФОР. URL: <https://naufor.ru/tree.asp?n=21890&hk=20210623> (дата обращения: 14.11.2022).
7. Теплова Т.В., Соколова Т.В., Фазано А., Родина В.А. Детерминанты доходности российских ПИФов акций и облигаций: активные инвестиционные стратегии и комиссии // Вопросы экономики. 2020. №9. С. 40-60.
8. Шаймарданов Т.Р., Погодин А.В. Закрытые паевые инвестиционные фонды как способ инвестирования и структурирования активов. Развитие ЗПИФ в России и преимущества в сравнении с другими паевыми инвестиционными фондами // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. №10(97). С. 22-27.
9. Базовый стандарт защиты прав и интересов физических и юридических лиц - получателей финансовых услуг, оказываемых членами саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих акционерные инвестиционные фонды и управляющие компании инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов // Центральный банк Российской Федерации. URL: <https://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90002/33> (дата обращения: 12.11.2022).
10. О раскрытии, распространении и предоставлении информации акционерными инвестиционными фондами и управляющими компаниями инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, а также о требованиях к расчету доходности инвестиционной деятельности акционерного инвестиционного фонда и управляющей компании паевого инвестиционного фонда: Указание Банка России от 2 ноября 2020 г. № 5609-У // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400007606/> (дата обращения: 13.11.2022).

References:

1. Abramov, A.E. Economics of investment funds: Monograph / Abramov A.E., Akshentseva K.S., Chernova A. - Moscow: Case of the Academy of National Economy, 2015. - 720 p.

2. A. E. Abramov, A. D. Radygin, and M. I. Chernova, Russ. Russian Stock Market: Trends, Challenges, Development Guidelines // Questions of Economics. 2021. No. 11. pp. 5-32.

3. Analysis of markets and indicators of mutual funds for the II quarter of 2022 // NAUFOR. URL: <https://naufor.ru/tree.asp?n=24101> (date of access: 11/14/2022).

4. Analysis of the activities of management companies for the first half of 2022 // NAUFOR. URL: <http://naufor.ru/tree.asp?n=24471> (date of access: 11/14/2022).

5. Review of key indicators of mutual and joint-stock investment funds for the II quarter of 2022 // Central Bank of the Russian Federation. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42236/review_pif_aif_22Q2.pdf (date of access: 11/14/2022).

6. The current state of the Russian stock market and the main directions of its development: NAUFOR report // NAUFOR. URL: <https://naufor.ru/tree.asp?n=21890&hk=20210623> (date of access: 11/14/2022).

7. Teplova T.V., Sokolova T.V., Fasano A., Rodina V.A. Determinants of profitability of Russian mutual funds of stocks and bonds: active investment strategies and commissions // Voprosy ekonomiki. 2020. No. 9. pp. 40-60.

8. Shaimardanov T.R., Pogodin A.V. Closed-end mutual funds as a way of investing and structuring assets. Development of Closed-End Investment Funds in Russia and Advantages in Comparison with Other Mutual Investment Funds // Universum: Economics and Law. 2022. No. 10(97). pp. 22-27.

9. The basic standard for protecting the rights and interests of individuals and legal entities - recipients of financial services provided by members of self-regulatory organizations in the financial market, uniting joint-stock investment funds and management companies of investment funds, mutual investment funds and non-state pension funds // Central Bank of the Russian Federation. URL: <https://www.cbr.ru/Queries/UniDbQuery/File/90002/33> (accessed 11/12/2022).

10. On the disclosure, dissemination and provision of information by joint-stock investment funds and management companies of investment funds, mutual investment funds and non-state pension funds, as well as on the requirements for calculating the profitability of the investment activities of a joint-stock investment fund and the management company of a unit investment fund: Ordinance of the Bank of Russia dated 2 November 2020 No. 5609-U // SPS Garant. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400007606/> (date of access: 11/13/2022).

DOI: 10.58589/26866722_2023_75_20

УДК/UDC 338.1

Развитие экономики Беларуси в условиях внешних шоков

Гнатюк Сергей Николаевич

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления

Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова

г. Могилев, Республика Беларусь

e-mail: gnatyuk@msu.by

Аннотация

В данной статье изучается влияние внешних шоков на развитие экономики Беларуси. Рассматриваются тенденции развития экономики Беларуси за период с 1996 г. по 2022 г. Выделяются факторы, способствующие экономическому развитию страны до 2011 г. (выбранная модель социально ориентированной рыночной экономики, значительное влияние государства на условия развития и поддержку реального сектора, а также внешние и внутренние факторы). Проводится анализ динамики валового внутреннего продукта Беларуси в 2009-2020 гг. Исследованы причины замедления темпов роста экономики Беларуси. Проведен сравнительный анализ двух спадов (в 2020 г. и в 2022 г.) объемов производства под влиянием внешних шоков. Сделан вывод о значительной зависимости социально-экономического развития страны от изменения внешних условий. Предложены меры по снижению отрицательных последствий внешних шоков на развитие экономики страны.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономический рост, внешние шоки, санкции, макроэкономические показатели.

Development of the economy of Belarus in the conditions of external shocks

Gnatyuk Sergey Nikolaevich

Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management

Mogilev State University

Mogilev, Republic of Belarus

e-mail: gnatyuk@msu.by

Abstract

This article examines the impact of external shocks on the development of the Belarusian economy. The trends in the development of the Belarusian economy for the period from 1996 to 2022 are considered. The factors contributing to the economic development of the country until 2011 are identified (the chosen model of a socially oriented market economy, the significant influence of the state on the development conditions and support for the real sector, as well as external and internal factors). An analysis is made of the dynamics of the gross domestic product of Belarus in 2009-2020. The reasons for the slowdown in the growth of the Belarusian economy are investigated. A comparative analysis of two declines (in 2020 and 2022) in production volumes under the influence of external shocks was carried

out. The conclusion is made about the significant dependence of the country's socio-economic development on changes in external conditions. Measures are proposed to reduce the negative effects of external shocks on the development of the country's economy.

Key words: sustainable development, economic growth, external shocks, sanctions, macroeconomic indicators.

Переход страны к устойчивому развитию во многом определяется ее ролью и местом в мировом сообществе, имеющимися ресурсами, созданным социально-экономическим потенциалом и его использованием, возможностями его наращивания. Национальное богатство Республики Беларусь представлено совокупностью накопленных материальных благ, созданных трудом людей, которыми в настоящее время располагает общество, а также человеческим и природным ресурсами [1]. Доля человеческого капитала, по имеющимся оценкам, в национальном богатстве Беларуси составляет более 55%, что выше, чем в других странах СНГ [2].

Экономика Беларуси относится к малым открытым экономикам: по объему ВВП Беларусь занимала в 2021 г. 70 место в мире, отношение внешнеторгового оборота к объему ВВП составляет 130 % [2]. При этом наблюдается высокая корреляция между темпами роста экспорта и темпами роста ВВП страны. Высокая зависимость от поставок сырья и энергии, высокотехнологичных видов оборудования приводит к тому, что рост объема производства сопровождается более быстрыми темпами роста импорта, что порождает проблемы с дефицитом платежного баланса, создает проблемы на валютном рынке и обеспечением устойчивости национальной валюты.

Рассматривая тенденции экономического роста Беларуси, можно сделать вывод, что с 1996 г. по 2008 г. белорусская экономика устойчиво развивалась и уже в 2002 г. достигла объема ВВП 1990 г. первой на постсоветском пространстве. Среднегодовые темпы роста ВВП в 1996-2000 г. составили 6,3 %, в 2001-2005 гг. – 7,5 %, в 2006-2010 гг. – 7,3 %.

Однако в 2009 г. под воздействием мирового финансового кризиса рост ВВП составил всего 100,2 % при сокращении объема промышленного производства на 3,1 %, которое было преодолено уже в 2010 г. [3].

Экономическому развитию в данный период времени способствовали выбранная модель социально ориентированной рыночной экономики, значительное влияние государства на условия развития и поддержку реального сектора, а также внешние факторы. К основным внешним факторам устойчивого развития экономики в эти годы можно отнести:

- восстановление платежеспособного спроса на традиционных внешних рынках потребителей белорусской продукции и востребованность продукции по соотношению «цена-качество»;

- положительные тенденции конъюнктуры мирового рынка по основным позициям белорусского экспорта;

- стабильная поддержка развития экономики через механизм льготных цен со стороны России. Благодаря заключенным соглашениям Беларусь имела возможность сохранить льготное ценообразование на импортируемые нефть и газ, которым она пользовалась с советского периода, и закрепить преимущественный доступ на рынок для своей продукции. Это предоставило Беларуси возможность получить существенную выручку от реэкспорта нефти и газа.

- рациональное использование интеграционных процессов на постсоветском пространстве;

- заниженный реальный курс белорусского рубля по отношению к валютам основных стран-импортеров белорусской продукции.

К внутренним факторам обеспечения устойчивого развития белорусской экономики следует отнести:

– сохранение внутреннего спроса в результате обеспечения роста номинальных доходов населения и сдерживания социальной дифференциации;

– мягкая кредитно-денежная политика (инфляционная модель экономического роста);

– отсутствие жестких бюджетных ограничений;

– своевременный демонтаж неэффективных форм трансформации и регулирования национальной экономики;

– наличие квалифицированной и дисциплинированной рабочей силы.

В 2011-2015 гг. экономика страны развивалась стабильно, но значительно более медленными темпами –1,2 % в год (табл. 1).

Динамика ВВП Беларуси в 2009-2020 гг. [3]

Показатель	Год											
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
ВВП в текущих ценах, млрд. руб. (с 2016 года – млрд. руб.)	142,1	170,5	307,2	547,6	670,7	805,8	899,1	94,9	105,7	122,3	134,7	149,7
в сопоставимых ценах, в % к предыдущему году	-	107,7	105,5	101,7	101,0	101,7	96,2	97,5	102,5	103,1	101,4	99,3

Таблица 1

Замедление темпов роста экономики Беларуси можно связать со следующими факторами:

– исчерпание возможностей используемой модели развития экономики, ориентированной в основном на экстенсивные факторы роста;

– структурные проблемы экономики страны в условиях растущей цифровизации глобальной экономики;

– ухудшение условий внешней торговли;

– проблемы в развитии мировой экономики и основных партнерах по внешнеэкономическим связям (Россия, Украина);

– дефицит счета текущих операций в результате превышения импорта над экспортом товаров привел к сокращению золотовалютных резервов и проблемам на валютном рынке, перебоям в поставках импортной продукции, сокращению производства на предприятиях, зависящих от импорта, ухудшению конкурентоспособности продукции на внешних рынках;

– снижение конкурентоспособности экономики в результате опережающего роста зарплаты по сравнению с производительностью труда;

– несбалансированная политика стимулирования внутреннего спроса за счет кредитной экспансии;

– директивное наращивание инвестиций на реализацию государственных программ через банковскую систему привело к росту совокупного спроса, но ослабило систему государственных финансов и ограничило возможности банковской системы в формировании рыночной ставки процента и управлении кредитными рисками.

Введенные в 2015-2016 гг. санкции относительно России со стороны стран Запада привели к сокращению объема производства не только в России, но и в Беларуси, так как доля России в экспорте Беларуси составляла в этот период около 50% от общего экспорта. Руководство страны и предприятий смогло переориентировать внешнеэкономическую деятельность на рынки других стран (доля России в экспорте сокращалась и уже в 2021 г. удельный вес России составил 40,94%), разработало систему мер по поддержке реального сектора экономики, стимулированию инновационной составляющей экономического роста. И в 2017-2019 гг. экономика страны наращивала объемы производства, экспорта, рост доходов населения.

В 2020 г. пандемия COVID-19 привела к стагнации развитие мировой экономики и не могла не сказаться на темпах роста экономики Беларуси:

объем ВВП в сопоставимых ценах сократился на 0,7 %. Объем промышленного производства также сократился на 0,7 %, но особенно резко сократились объемы производства в сфере услуг (пассажиروоборот – на 32,8 %, товарооборот общественного питания – на 19 %, платные услуги населению – на 8,9 % и т.д.). Резко сократился оборот внешней торговли товарами и услугами, который составил 85,9 % по сравнению с 2019 г., в том числе экспорт сократился на 11,4 %, а импорт – на 16,9 % [3].

В 2021 г. происходит снижение остроты пандемии, и экономика страны приспособилась к новым реалиям развития. Объем ВВП в текущих ценах составил 173,2 млрд бел. руб., т.е. вырос в сопоставимых ценах на 2,3% по сравнению с 2020 г. Основным драйвером роста экономики страны была промышленность – рост объема производства составил 106,5%. При этом увеличилась доля продукции, поставляемой на экспорт. Поэтому объем внешней торговли не только восстановился, но и значительно вырос. Темп роста экспорта составил 132,9%, импорта – 129,0%. При этом наблюдался рост не только физических объемов экспорта и импорта, но и экспортных и импортных цен [3].

Однако за 9 месяцев 2022 г. объем ВВП страны составил 140,2 млрд руб. или 95,3% относительно соответствующего периода прошлого года. Среди негативных результатов функционирования экономики страны следует отметить не только отрицательную динамику роста ВВП, но и падение объема промышленного производства (на 6,1 %), снижение доли отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции, сокращение инвестиций в основной капитал (на 18, %), сокращение объемов оптовой (на 16,7%) и розничной торговли (на 2,5%), увеличение темпов инфляции, снижение реальных располагаемых доходов населения, сокращение экспорта товаров и услуг [3]. Таким образом, белорусская экономика попадает в новую волну падения темпов роста

национальной экономики под воздействием экономических санкций со стран Запада.

Основное сходство последних двух спадов (в 2020 г. и в 2022 г.) объемов производства под влиянием внешних шоков состоит в том, что

– они вызваны внешними шоками неэкономической природы – пандемией и западными санкциями;

– наблюдался ажиотажный спрос на потребительском рынке, который спровоцировал рост инфляции (рост цен за 9 месяцев составил 114,6%);

– происходит резкое снижение предложения товаров и услуг;

– экономика сталкивается с эффектами дезорганизации, связанными с дополнительными издержками предприятий для того, чтобы поддерживать сложившиеся бизнес-процессы;

– оба кризиса на начальных стадиях сопровождались девальвацией национальных валют.

Вместе с тем нынешняя ситуация экономического спада и ситуация спада двухлетней давности существенно различаются:

– нынешний шок характеризуется тем, что экономика России, с которой тесно связана белорусская экономика, частично изолирована, что оказывает воздействие на потоки капитала, структуру и объемы экспорта и импорта.

– если в 2020 г. белорусский рубль девальвировался из-за резкого ухудшения условий внешней торговли, то в 2022 г. падение произошло исключительно на ажиотажной волне и неопределенности, вызванной резким изменением ситуации. Стабилизация курса затормозила темпы роста потребительских цен.

– изменился состав отраслей-бенефициаров и тех, кто пострадает сильнее других. В настоящее время основной удар примут те виды деятельности и предприятия, на которые нацелены санкции западных

стран. При этом сектор платных услуг населению, который пострадал сильнее всего в 2020 г., в этот кризис не оказался в состоянии депрессии, так как доходы населения изменились незначительно (реальная зарплата сократилась на 1,6%), что не сказалось существенно на структуре расходов. Главными видами деятельности и предприятиями, которые получают выгоду, являются те, которые связаны с импортозамещением.

– в 2020 г. основной фактор спада был обусловлен сокращением внутреннего спроса, особенно в сфере услуг, а затем экономике Беларуси придало толчок к восстановлению увеличение чистого экспорта. В текущей ситуации экспорт сократился (за 9 месяцев 2022 г. на 4% по сравнению с этим же периодом прошлого года), и пока экономика поддерживается за счет незначительного сокращения внутреннего спроса.

– санкции привели к релокации части персонала перспективного ИТ-сектора, что скажется на перспективах реализации государственных программ по цифровизации экономики, валютных поступлениях (экспорт услуг ИТ-сектора только в США в 2021 г. составлял 1,5 млрд. долл.), сальдо торгового баланса.

Столкнувшись с внешними шоками, правительство и бизнес попытались локализовать их, в том числе за счет перестройки логистики и производственных цепочек. Эти меры отчасти оказались успешными, что и позволило ограничить масштаб воздействия этих шоков. Белорусские предприятия пытались найти альтернативные каналы поставок продукции и рынки сбыта. В настоящее время проблем с логистикой у белорусских предприятий нет: частично продукция идет через Новороссийск, Санкт-Петербург, но основные объемы поставок в третьи страны, и прежде всего в Китай, идут через Владивосток.

Будущее самих предприятий и белорусской экономики в целом будет зависеть от того как пройдет диверсификация экономики и какие финансовые результаты она принесет.

Таким образом, обеспечение устойчивого развития Беларуси основывается на реализации общесистемных преобразований экономики и общества:

- формирование сильного эффективного правового государства с развитыми отношениями демократии и гражданского общества;
- постепенный переход к постиндустриальному обществу с экологически чистыми производствами, реализацией концепции «зеленого роста» экономики;
- построение высокоэффективной социально ориентированной рыночной экономики с развитыми институтами предпринимательства и рыночной инфраструктурой, действенными механизмами государственного и рыночного регулирования.

В результате формируется регулируемое рыночное хозяйство, которое является эффективным средством стимулирования роста производительности труда, повышения эффективности общественного производства, увеличения общественного богатства в интересах роста благосостояния населения страны.

Несмотря на негативные внешние шоки, связанные с санкциями западных стран, необходимо продолжить и активизировать рыночные преобразования, реформировать экономическую политику государства в соответствии с мировым опытом, что предусматривает интенсивное совершенствование социально ориентированной рыночной модели национальной экономики, поиск оптимального сочетания государственного регулирования экономики и рыночного саморегулирования.

Список литературы:

1. Дорина Е.Б. Устойчивое развитие регионов: инновационный и институциональный аспекты // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. 2015. №8. С. 86-92.

2. World Bank. 2021. The Changing Wealth of Nations 2021: Managing Assets for the Future. Washington, DC: World Bank. – 504 p.

3. Официальная статистика // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/> (дата обращения: 15.11.2022).

References:

1. Dorina E.B. Sustainable development of regions: innovative and institutional aspects // Scientific works of the Belarusian State Economic University. 2015. No. 8. pp. 86-92.

2. World Bank. 2021. The Changing Wealth of Nations 2021: Managing Assets for the Future. Washington, DC: World Bank. – 504 p.

3. Official statistics // National Statistical Committee of the Republic of Belarus. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/> (date of access: 11/15/2022).

DOI: 10.58589/26866722_2023_75_30

УДК/UDC 336.766:336.761

Оценка влияния макроэкономических факторов на развитие экономики на примере Соединенных Штатов Америки

Игнатов Артём Игоревич

старший преподаватель кафедры предпринимательства и планирования экономической деятельности

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

г. Рязань, Россия

e-mail: a.ignatov@365.rsu.edu.ru

SPIN-код: 3934-5539

ORCID:0000-0003-4550-0909

Аннотация

В статье с помощью экономико-статистических методов оценивается влияние ряда макроэкономических факторов (внутренний валовый продукт, денежная масса, фондовые индексы, уровень инфляции) на состояние экономики Соединенных Штатов Америки, а также друг на друга. В качестве индикатора состояния американского рынка ценных бумаг был взят индекс S&P500, индикатор развития экономики - номинальный ВВП в долларах США, показатель денежной массы - агрегатор M2. Использовались такие методы, как корреляционный анализ, расчет цепных индексов прироста, графический метод, метод сравнения. На основе массива статистических данных за двадцатидвухлетний период смоделированы и проанализированы различные гипотезы, о взаимосвязи макроэкономических финансовых параметров. В результате проведенного исследования установлено, что эффективное и гармоничное развитие экономики в разные периоды может неодинаково коррелировать с применяемыми регулятором мерами воздействия на кредитно-денежную систему.

Ключевые слова: денежная масса, инфляция, фондовый рынок, валовой внутренний продукт, США.

Assessment of the impact of macroeconomic factors on the development of the economy on the example of the United States of America

Ignatov Artyom Igorevich

Senior Lecturer, Department of Entrepreneurship and Economic Activity Planning

Ryazan State University

Ryazan, Russia

e-mail: a.ignatov@365.rsu.edu.ru

SPIN: 3934-5539

ORCID:0000-0003-4550-0909

Abstract

In the article, using economic and statistical methods, the influence of a number of macroeconomic factors (gross domestic product, money supply, stock indices, inflation rate)

on the state of the economy of the United States of America, as well as on each other, is assessed. The S&P500 index was taken as an indicator of the state of the American securities market, the indicator of economic development was nominal GDP in US dollars, and the money supply indicator was the M2 aggregator. Methods such as correlation analysis, calculation of chain growth indices, graphical method, comparison method were used. On the basis of an array of statistical data for a twenty-two-year period, various hypotheses about the relationship of macroeconomic financial parameters are modeled and analyzed. As a result of the study, it was found that the effective and harmonious development of the economy in different periods may not equally correlate with the measures applied by the regulator to influence the monetary system.

Key words: money supply, inflation, stock market, gross domestic product, USA.

Вопрос о взаимосвязи инфляции, экономического роста, эмиссии денежной массы в финансовой системе страны в период кризиса особенно актуален. Ведь именно во времена нестабильности регулятору необходимо использовать как можно более надежные рычаги воздействия на экономику страны [1, 2]. А для этого необходимо чётко понимать, какие параметры и в какой степени влияют на развитие страны.

Исследование проводилось по следующему алгоритму:

– в начале собирались данные о макроэкономических показателях за период с 2000 по 2022 гг., представленных в открытых официальных источниках, отчетах органов власти США или предоставленных аналитическими агентствами;

– потом, при необходимости, рассчитывалась цепные индексы прироста (переведенные в проценты), характеризующие динамику изменения конкретных факторов;

– далее при помощи корреляционного анализа и графического отображения в программах MS Excel и PowerBI desktop определялось влияние факторов друг на друга и на экономику в целом;

– на следующем этапе отбирались наиболее наглядные взаимосвязи и анализировались в динамике с выделением ряда временных периодов, границами которых выбирались конкретные события, влиявшие на глобальную экономику;

– в завершении представлены выводы по проведенному исследованию.

Примером влияния друг на друга таких макроэкономических показателей, как динамика безработицы и рост валового внутреннего продукта (далее – ВВП), является эмпирический закон Оукена [3].

Несмотря на то, что ВВП не всегда является идеальным отражением производительности экономики и развитости страны, будем считать, что в целом более высокий уровень данного показателя более желателен, чем низкий.

ВВП дает аналитику информацию об объемах экономики конкретной страны, а темпы его роста выступают в качестве одного из лучших индикаторов, характеризующих экономический рост на протяжении определенного промежутка времени.

Когда в определенной стране наблюдается рост экономической производительности, стоимость денежной массы в обращении увеличивается. Это связано с тем, что каждую денежную единицу впоследствии можно обменять на большее количество товаров и услуг. Значит, рост ВВП дает естественный дефляционный эффект, даже если денежная масса не сокращается.

При этом сама денежная масса оказывает влияние на экономический рост. Теоретики неоклассической школы монетаризма во главе с нобелевским лауреатом 1976 года М. Фридманом на основе эмпирических исследований вывели положение о том, что эмиссия, обеспечивающая постоянно растущее предложение денежной массы, будет поддерживать и спрос, вызванный ростом реальной экономики. При этом увеличение инфляции от этого происходить не будет. При этом необходимо заметить, что предшествующая монетарной количественная теория денег выводила правило о том, что при росте денежной массы ускоренными темпами растет и инфляция [3].

В настоящее время действия центральных банков по увеличению или уменьшению денежной массы рассматриваются в рамках общей денежно-кредитной политики. Федеральная резервная система Соединенных Штатов преследует 3 общие макроэкономические цели: стабильность цен, устойчивый экономический рост и высокий уровень занятости. Исторически сложилось так, что ФРС США посредством различных способов пыталась оказывать влияние на размер денежной массы для достижения указанных выше макроэкономических целей [4].

Рассмотрим динамику макроэкономических показателей США за 2000-2022 гг. по кварталам (рис. 1).

Изменение внутреннего валового продукта и денежной массы США по кварталам за 2000-2022 гг. [5, 6]

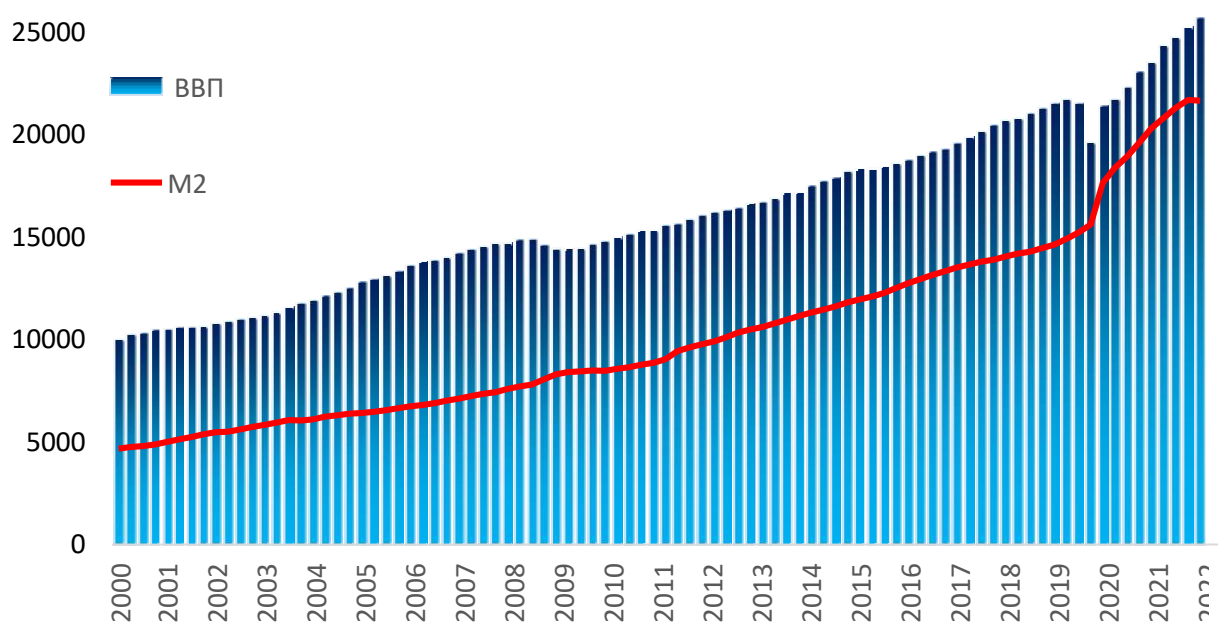

Рисунок 1

Как видно из диаграммы, денежная масса (взяв агрегат M2) в США, неуклонно росла разными темпами. При этом размер ВВП заметно падал в 2009 году (по причине ипотечного финансового кризиса) и в начале 2020 года (из-за локдауна, вызванного пандемией коронавируса) [7]. В целом за двадцатидвухлетний период, выбранный для исследования, связь между

денежной массой и ростом экономики, количественно выраженной через размер ВВП, можно назвать сильной. Парный коэффициент корреляции Пирсона по данным двум показателям равен 0,98, что говорит о сильной прямой связи.

Однако если рассмотреть отдельно период 2019-2020 гг., ситуация поменяется (рис. 2).

Изменение внутреннего валового продукта и денежной массы США по кварталам в 2019-2020 гг. [5, 6]

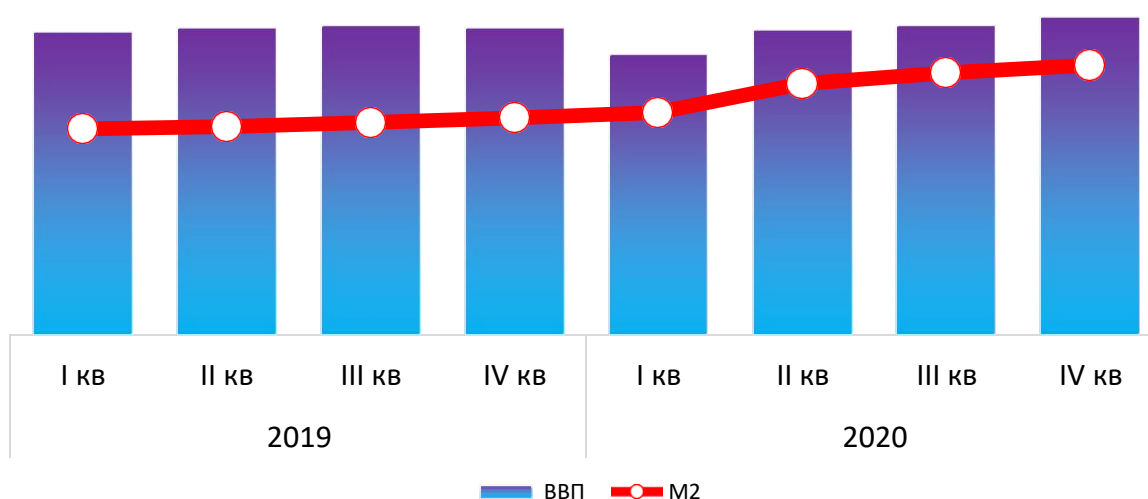

Рисунок 2

Прирост ВВП за эти два года составил 4,9 %, при размере эмиссии в 30,9 %, коэффициент корреляции в это время упал до значения 0,14. Также в этот период прирост ВВП на 1 доллар денежной эмиссии составил 5,7 цента, тогда как за весь 21 век данный показатель равен 20 центам, а за период до финансового кризиса 2008 года – 71 цент.

Следовательно, можно сказать, что взаимосвязь между ростом денежной массы и показателями экономики США становится все слабее. Поэтому упор на использование только денежной эмиссии в качестве основного инструмента денежно-кредитной политики не может больше считаться эффективной мерой.

Так же для сравнения динамик роста экономики и денежной массы в США рассмотрим коэффициент монетизации, который представляет собой отношение денежной массы к размеру ВВП [8].

$$k = \frac{M2}{\text{ВВП}} \quad (1)$$

где k – коэффициент монетизации;

$M2$ – денежная масса в млрд. долл.;

ВВП – внутренний валовый продукт в млрд. долл.

Финансовые эксперты считают, что для стабильного развития государства этот показатель должен быть не ниже 50 % [4].

Как видно из диаграммы (рис. 3), коэффициент монетизации рос наиболее быстрыми темпами в 2009 и в 2020 гг., что позволяет судить о том, что в данные периоды темпы инфляции должны были ускориться.

Динамика коэффициента монетизации США в 2000-2022 гг.

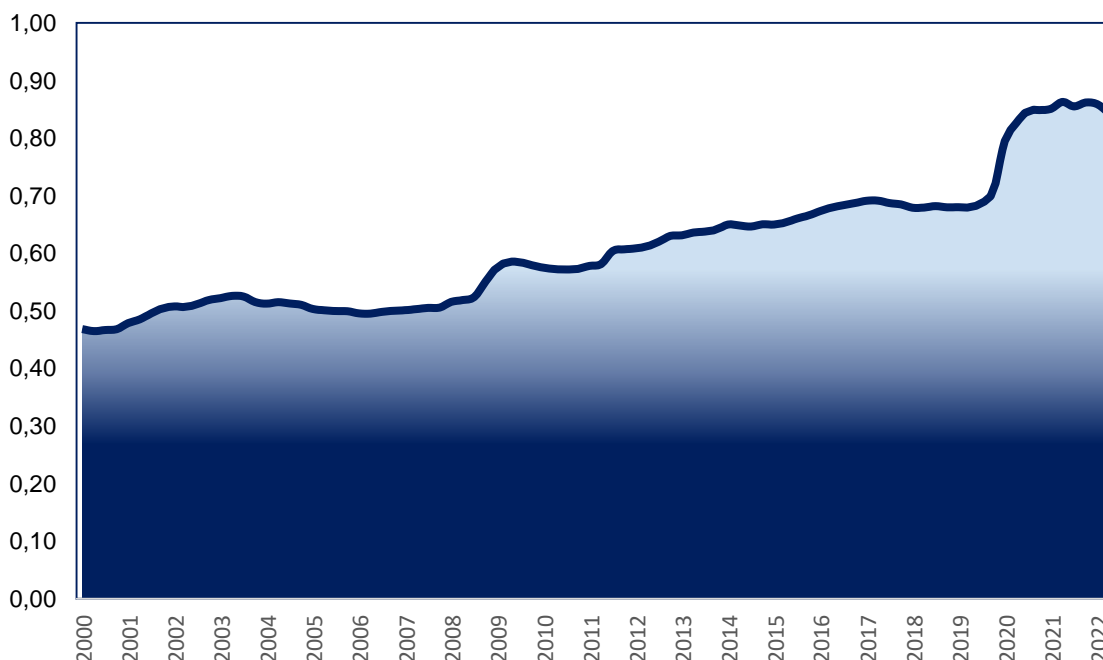

Рисунок 3

Далее сравним темпы инфляции (м/м) и темпы прироста денежной массы. За период 2000-2022 гг. в основном наблюдается ситуация, когда

эмиссия долларов, производимая федеральной резервной системой США, приводит к росту показателей инфляции либо в этом же квартале, либо в следующем (что соответствует положениям количественной теории денег). Доля кварталов, в которых рост коэффициентов динамики M2 привел к росту темпов увеличения инфляции в соответствующем квартале составила 60,7 %, в следующем – 57,1 %. Тем удивительней выглядит первый квартал 2020 г., когда рекордная эмиссия не привела к росту инфляции ни в первом, ни во втором квартале этого года. Не выросла инфляция сверх средних значений и в первой половине 2021 г., хотя в предыдущие периоды наблюдалась тенденция к ускорению инфляции после ускорения роста эмиссии.

Сравнение динамики прироста денежной массы и инфляции по кварталам в 2015-2022 гг. [9]

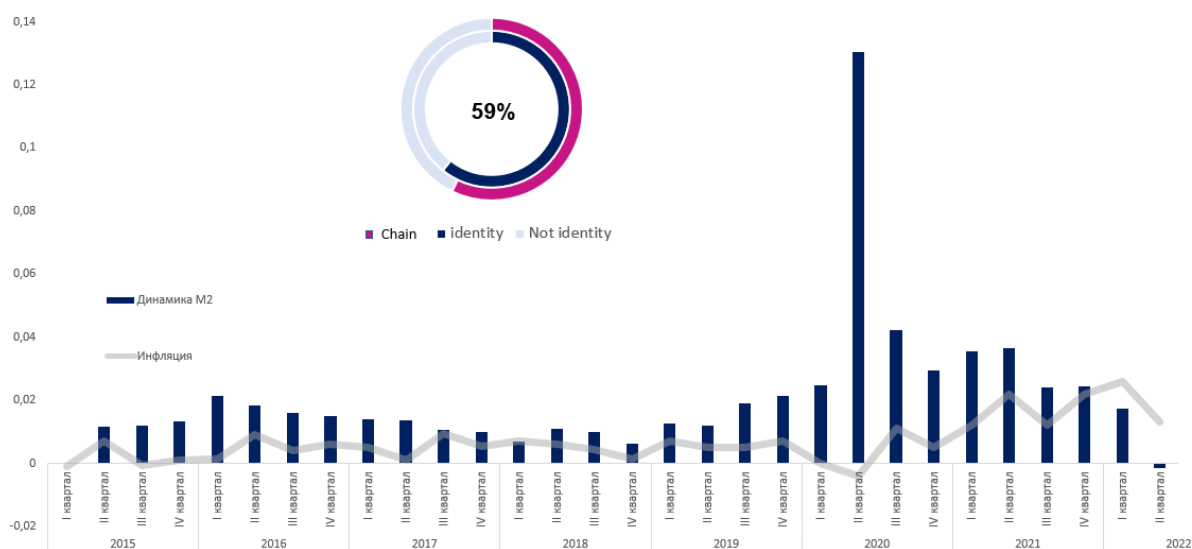

Рисунок 4

При этом падение темпов роста денежной массы в американской экономике начиная со второй половины 2021 г. происходит на фоне рекордного роста инфляции.

Объяснить данное противоречие последних лет можно, рассмотрев индикаторы фондового рынка [10].

Рекордный рост индекса S&P500, который отражает динамику стоимости пятисот самых крупных компаний Америки начался именно во втором квартале 2020 г., когда и наблюдалась парадоксальная ситуация с рассинхронизацией динамики прироста денежной массы и цен на товары и услуги.

Динамика индекса S&P500 по месяцам в 2015-2022 гг. [11]

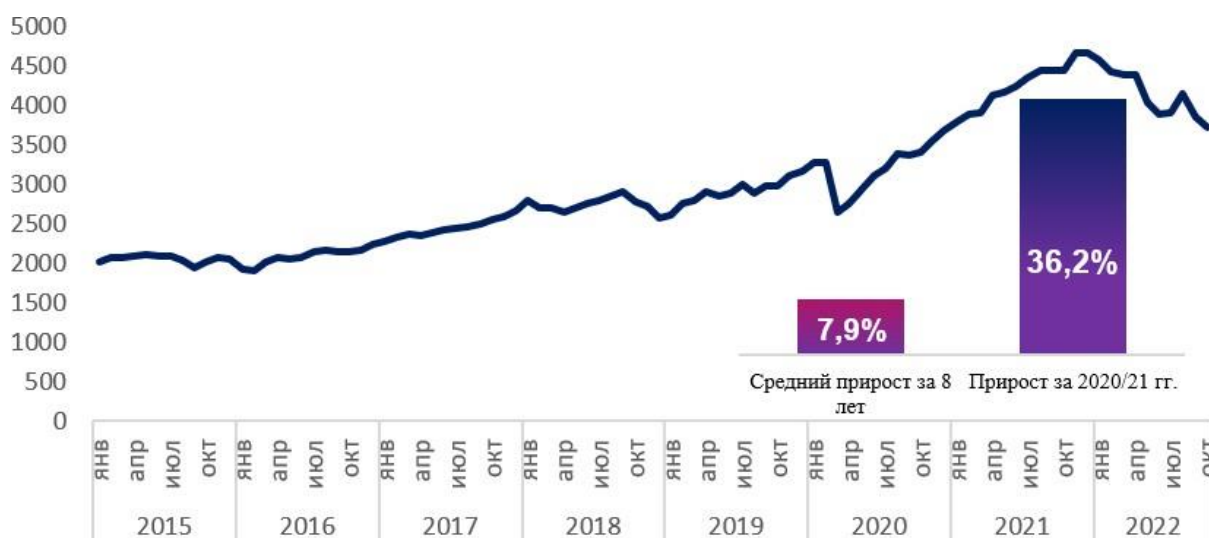

Рисунок 5

Если в среднем за восьмилетний период наблюдений прирост индекса составлял 7,9 %, то за период с июля 2020 г. по июль 2021 г. данный показатель составил 36,2 %, а декабрь 2021 г. к апрелю 2020 г. – 69,3 %. При этом за данный период прирост ВВП составил лишь 25,9 %.

А с четвертого квартала 2021 г. по второй квартал 2022 г. ВВП вырос на 3,7 %, при падении фондовых индексов на 16,8 %.

Таким образом можно сказать, что рекордная эмиссия доллара не привела к сопоставимой инфляции при относительно стабильном уровне ВВП из-за того, что деньги перетекли на фондовый рынок. Денежная масса, оказавшаяся на руках у населения, привела к росту спроса на акции. И лишь к началу 2022 г. из-за схлопывания стоимости крупнейших компаний Северной Америки и падения биржевых индексов деньги

вернулись на потребительские рынки, что закономерно привело к рекордным темпам инфляции.

Список литературы:

1. Бородин А. И., Самойлик Е. В., Панаедова Г. И. Влияние макроэкономических факторов на фондовую биржу стран Брикс // Humanitarian Balkan Research. 2019. Т.3. № 3(5). С. 93 -104.
2. Кудрявцева Е.А., Шкиотов С.В., Угрюмова М.А. Анализ макроэкономических факторов, влияющих на динамику фондового рынка России // Теоретическая экономика. - 2021 - №11. - С.96-101.
3. Макконнелл, К.Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика : учебник / К.Р. Макконнелл, С.Л. Брю, Ш.М. Флинн ; пер. с англ. — 19-е изд. — Москва : ИНФРА-М, 2018. - XXVIII, 1028 с.
4. Финансы : учебник / Ю. С. Долганова, Н.Ю. Исакова, Н.А. Истомина [и др.] ; под общ. ред. канд. экон. наук, доц. Н.Ю. Исаковой ; Мин-во обр. и науки РФ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 336 с.
5. Данные о ВВП США // Официальный веб-сайт Архива экономических данных Федеральной резервной системы. URL: <https://alfred.stlouisfed.org/series?seid=GDP> (дата обращения: 20.11.2022).
6. Объем денежной массы в США // Официальный веб-сайт Архива экономических данных Федеральной резервной системы. URL: <https://alfred.stlouisfed.org/series?seid=M2SL> (дата обращения: 21.11.2022).
7. International Evidence of COVID-19 and Stock Market Returns: An Event Study Analysis by Ahmad Bash // International Journal of Economics and Financial Issues. 2020. 10(4). P. 34-38.
8. Греков И. Е. Методологические проблемы оценки коэффициента монетизации // Финансы и кредит. 2013. №7(535). С. 2-6.
9. Инфляция в США // Официальный веб-сайт агентства Take-Profit. URL: <https://take-profit.org/statistics/inflation-rate/united-states/> (дата обращения: 21.11.2022).
10. Stock Market Analysis: A Review and Taxonomy of Prediction Techniques by Dev Shah, Naruna Isah and Farhana Zulkernine // Int. J. Financial Stud. 2019. №7(2). – 26 с.
11. Индекс S&P500 // InvestFunds. URL: <https://investfunds.ru/indexes/222/> (дата обращения: 21.11.2022).

References:

1. Borodin A. I., Samoilik E. V., Panaedova G. I. Influence of macroeconomic factors on the stock exchange of the Brix countries // Humanitarian Balkan Research. 2019. Т.3. №3(5). P. 93 -104.
2. Kudryavtseva E.A., Shkiotov S.V., Ugryumova M.A. Analysis of macroeconomic factors influencing the dynamics of the stock market in Russia // Teoreticheskaya ekonomika. 2021. №11. P.96-101.
3. McConnell, K.P. Economics: principles, problems and politics: textbook / K.R. McConnell, S.L. Brew, Sh.M. Flynn; per. from English. - 19th ed. - Moscow: INFRA-M, 2018. - XXVIII, 1028 p.
4. Finance: textbook / Yu.S. Dolganova, N.Yu. Isakova, N.A. Istomin [and others]; under total ed. cand. economy Sciences, Assoc. N.Yu. Isakova; Min. arr. and science of the Russian Federation. - Yekaterinburg: Publishing House in the Urals. unta, 2019. - 336 p.

5. US GDP data // Official website of the Economic Data Archive of the Federal Reserve System. URL: <https://alfred.stlouisfed.org/series?seid=GDP> (accessed 11/20/2022).
6. Money supply in the USA // Official website of the Economic Data Archive of the Federal Reserve System. URL: <https://alfred.stlouisfed.org/series?seid=M2SL> (accessed 11/21/2022).
7. International Evidence of COVID-19 and Stock Market Returns: An Event Study Analysis by Ahmad Bash // International Journal of Economics and Financial Issues. 2020. 10(4). pp. 34-38.
8. Grekov I. E. Methodological problems of assessing the monetization coefficient // Finance and credit. 2013. No. 7 (535). pp. 2-6
9. Inflation in the USA // Official website of the Take-Profit agency. URL: <https://take-profit.org/statistics/inflation-rate/united-states/> (accessed 11/21/2022).
10. Stock Market Analysis: A Review and Taxonomy of Prediction Techniques by Dev Shah, Haruna Isah and Farhana Zulkernine // Int. J. Financial Stud. 2019. No. 7(2). – 26 p.
11. S&P500 Index // InvestFunds. URL: <https://investfunds.ru/indexes/222/> (date of access: 11/21/2022).

Региональные аспекты функционирования и развития малого предпринимательства в России

Кульментьева Гузель Ильгизовна
старший преподаватель кафедры финансов и кредита
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
г. Казань, Россия
e-mail: gkulmenteva@mail.ru
SPIN-код: 4821-1507

Аннотация

Актуальность исследуемой темы определяется тем, что малый и средний бизнес является одним из основных двигателей современной экономики. В статье проводится анализ развития малого и среднего предпринимательства в условиях новых вызовов и формировании цифровой экономики в региональном пространстве. Проанализирована роль представителей малого и среднего бизнеса в создании рабочих мест и формировании ВВП России и ВРП Республики Татарстан. Исследовано значение МСП в поступлении доходов в консолидированный бюджет РФ. Построены модели влияния малого предпринимательства на развитие экономики страны и, в частности, Республики предпринимательства на функционирование региональной экономики. В выводе отмечается, что для обеспечения экономического развития в России должна сложиться эффективная система мер государственной помощи малому и среднему бизнесу.

Ключевые слова: ВВП, предпринимательство, развитие, рабочие места, малый и средний бизнес, экономика региона, эконометрическое моделирование.

Regional aspects of the functioning and development of small business in Russia

Kulmenteva Guzel Ilgizovna
Senior Lecturer, Department of Finance and Credit
Kazan Innovative University
Kazan, Russia
e-mail: gkulmenteva@mail.ru
SPIN-код: 4821-1507

Abstract

The relevance of the topic under study is determined by the fact that small and medium-sized businesses are one of the main engines of the modern economy. The article analyzes the development of small and medium-sized businesses in the face of new challenges and the formation of a digital economy in the regional space. The role of representatives of small and medium-sized businesses in creating jobs and shaping the GDP of Russia and the GRP of the Republic of Tatarstan is analyzed. The importance of SMEs in the receipt of income in the consolidated budget of the Russian Federation has been studied.

Models of the impact of small business on the development of the economy of the country and the Republic of Tatarstan are built. The essence of the impact of the sector of small and medium-sized businesses on the functioning of the regional economy is determined. As a result of the study, it is noted that in order to ensure economic development in Russia, an effective system of measures of state assistance to small and medium-sized businesses should be formed.

Key words: GDP, entrepreneurship, development, jobs, small and medium-sized businesses, economy of the region, econometric modeling.

Развитие предпринимательства имеет существенное значение в жизнедеятельности любого государства, так как именно эффективность функционирования малого и среднего предпринимательства является показателем экономического развития страны, структуры и качества валового внутреннего и регионального продукта.

В настоящее время перед Россией стоят проблемы, существенно осложняющие экономическое положение страны. Это и пандемия коронавируса, и санкции со стороны многих стран мира [1]. Все эти обстоятельства обусловили необходимость приложить большие усилия и предпринять рациональные и эффективные действия с целью недопущения резкого и значительного падения уровня экономического развития России. Меры поддержки малого бизнеса, как на государственном, так и на местном уровне должны быть первостепенными в этих мероприятиях.

Предпринимательство играет важную роль в экономической стабильности страны и ее регионов, в развитии социальной, научной и технологической сфер государства [2]. Данная отрасль способна обеспечить население страны необходимыми товарами, предоставить рабочие места.

Ключевым показателем, отражающим роль субъектов малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) и его развитие, является среднесписочная численность работников организаций МСП, которая отражает долю занятых в данном секторе экономики. Роль малого бизнеса в создании рабочих мест представлена на рис. 1.

Как видно из данных рисунка 1, в России наблюдается снижение общей численности занятых в 2012-2020 гг., но одновременно с этим происходит и снижение численности наемных работников на предприятиях малого и среднего бизнеса. Так, в целом по России за период 2012-2020 гг. общая численность занятых сократилась на 1082 тыс. человек, или на 1,5%, а средняя численность работников малых и средних предприятий сократилась на 299 тыс. чел., или на 1,9%.

Число рабочих мест, созданных представителями малого и среднего бизнеса в России в 2012-2020 гг. [3,4]

Рисунок 1

Таким образом, в малом и среднем предпринимательстве число занятых снижается быстрее, чем в целом по экономике [2]. На наш взгляд, такую динамику можно объяснить рядом факторов: автоматизацией производственных процессов, требующих меньшего числа рабочей силы; наличием теневой занятости; переводом работников в статус самозанятых и ИП. Указанные процессы идут на фоне общего снижения численности занятых в экономике. Однако тот факт, что удельный вес занятых в малом и среднем бизнесе не увеличился с 2012 г., говорит об отсутствии развития качественных показателей его функционирования.

Создавая рабочие места, малый бизнес выполняет свою социальную функцию в экономике. К социальным функциям, которые выполняют представителя МСП, относятся:

– решение проблем с занятостью населения путем создания дополнительных рабочих мест, в том числе и для социально-уязвимых граждан;

– смягчение социальной напряженности на местах;

– формирование перспективного среднего класса в обществе;

– развитие частной инициативы граждан и гражданского общества в целом.

Также малый и средний бизнес формирует ВВП страны. Для анализа его роли в ВВП России следует обратиться к данным рисунка 2.

Роль МСП в формировании ВВП России в 2012-2020 гг. [3, 4]

Рисунок 2

Как видно из данных рис. 2, ВВП России в номинальном выражении растет ежегодно, но вместе с ним растет и объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами малыми и средними предприятиями. Так, за период 2012-2020 гг. ВВП страны вырос на 38501 млрд. руб. (или на 56,5% в относительном

выражении), а объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами малыми и средними предприятиями вырос на 14 162 млрд. руб., или в 2,2 раза, что превысило темпы роста ВВП России. Это привело к росту показателя удельного веса МСП с 17,2% в 2012 г. до 24,3% в 2020 г. (однако, данный показатель был максимальным в 2017 году, тогда он составлял 25,6%, именно в этот период МСП играло наиболее значимую роль в экономике).

Занимая определённую долю в ВВП, малый и средний бизнес выполняет свою определённую функцию в экономике. К экономическим функциям малого и среднего бизнеса можно отнести следующие: способствуют диверсификации экономики, придают ей эластичность, тем самым заполняя экономические ниши, куда не стремятся крупные компании; способствуют развитию конкурентной среды, быстро реагировать на изменения рыночной конъюнктуры, участвуют в создании товаров и услуг, которые способны удовлетворить потребности широкого круга населения.

Экономическая функция МСП проявляется и в том, что налоги, которые оно уплачивает, формируют доходную часть бюджета. Малый бизнес уплачивает налоги от специальных налоговых режимов – УСН, ЕНВД (отменен с 2021 года), страховые взносы с заработной платы своих работников, фиксированные страховые взносы индивидуальных предпринимателей, НДФЛ с заработной платы сотрудников. Статистика ведения поступлений по налогам и сборам не разделяет их по источнику поступлений, однако на примере налогов и от применения специальных налоговых режимов мы можем выявить роль малого бизнеса в доходах бюджета. Для этого следует обратиться к данным таблицы 1.

Как видно из данных таблицы 1, налоги, уплачиваемые малым и средним бизнесом, которые применяют специальные режимы налогообложения, занимают незначительный удельный вес в

формировании консолидированного бюджета РФ, доля налогов снизилась с 2,54% в 2012 году до 1,87% в 2020 году. Причиной такого низкого показателя является ряд факторов:

– спецрежимы предполагают меньшую сумму уплачиваемых налогов;

– в консолидированном бюджете другие виды налоговых доходов гораздо более значимы (например, НДС,).

Роль МСП в формировании доходов консолидированного бюджета РФ в 2012-2020 гг. [3]

Год	Налоговые доходы консолидированного бюджета РФ, млрд. руб.	Налоги на совокупный доход, млрд. руб.	Доля налогов от МСП в налоговых доходах консолидированного бюджета, %
2012	10 687,79	271,29	2,54
2013	10 936,96	292,8	2,68
2014	14 414,87	315,1	2,19
2015	15 517,03	347,76	2,24
2016	16 308,92	388,49	2,38
2017	19 277,62	446,93	2,32
2018	23 600,82	520,49	2,21
2019	25 320,87	596,79	2,36
2020	31 705,01	593,34	1,87

Таблица 1

Сопоставляя темпы роста налоговых доходов и доходов от специальных налоговых режимов, можно сказать следующее: налоговые доходы в целом выросли в 3 раза, а налоги от специальных режимов в 2,2 раза, что свидетельствует об эффективной деятельности организаций, которые повысили свои финансовые показатели, тем самым увеличив налоговые платежи в бюджет.

Определить и подтвердить тот факт, что малый бизнес оказывает положительное влияние на экономику страны, можно также с помощью эконометрического моделирования, где результативным показателем будет

ВВП страны как основной показатель развития экономики, а факторными показателями будут число предприятий и объем произведенных товаров и услуг МСП. Перечисленные два показателя являются основными статистическими показателями, по которым судят о развитии малого и среднего предпринимательства или отсутствии его развития.

В таблице 2 представлены данные для проведения анализа влияния двух факторов на результирующий показатель.

Статистические данные для построения модели влияния МСП на экономику России [3,4]

Год	ВВП (Y), млрд. руб.	Объем произведенных товаров и услуг МСП (X1), млрд. руб.	Число субъектов МСП (X2), ед.
2012	68103,4	11693,1	5023600
2013	72985,7	12599,4	5236950
2014	79030,0	13632,1	5 523 765
2016	85616,1	19934,7	5 865 780
2017	91843,2	23484,8	6 039 216
2018	103861,7	24809,7	6 041 195
2019	109193,2	25375,7	5916906
2020	106 606,6	25855,2	5 684 561

Таблица 2

На рисунке 3 представлены итоги моделирования, когда оценивалось влияние факторов на результирующий показатель.

Регрессия зависимости ВВП от показателей развития МСП

ВЫВОДИТОГОВ									
Регрессионная статистика									
Множествен	0,9647195								
R-квадрат	0,9306836								
Нормирован	0,9029571								
Стандартная	4921,6452								
Наблюдения	8								
Дисперсионный анализ									
	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	<i>Значимость F</i>				
Регрессия	2	1626136042	813068021,1	33,566517	0,001264997				
Остаток	5	121112956,3	24222591,27						
Итого	7	1747248998							
	<i>Кэффиц</i>	<i>Стандартная</i>	<i>t-статистика</i>	<i>P-</i>	<i>Верхние</i>	<i>Нижние</i>	<i>Верхние</i>	<i>Нижние</i>	<i>Верхние</i>
	<i>иенты</i>	<i>ошибка</i>		<i>Значение</i>	<i>95%</i>	<i>95,0%</i>	<i>95,0%</i>	<i>95,0%</i>	
Y-пересечен	70223,33	45399,31629	1,546792679	0,1825839	-46479,32774	186925,99	-46479,328	186925,99	
Переменная	2,8235718	0,60185016	4,691486383	0,0053779	1,276466741	4,3706769	1,2764667	4,3706769	
Переменная	0,0063737	0,009739244	-0,654438069	0,5417325	-0,031409257	0,0186618	-0,0314093	0,0186618	

Рисунок 3

По данным полученной модели можно с уверенностью сказать, что развитие малого и среднего предпринимательства положительно сказывается на ВВП России. Построенная модель признается по ряду параметров достоверной (множественный R близится к единице, а значимость F близится к нулю).

Итоги модели сформировали уравнение регрессии:

$$Y = 70223 + 2,82X_1 + 0,006X_2$$

Что говорит о следующем: если растет число субъектов малого бизнеса на 1 тыс. ед., то ВВП растет на 0,00087 млн. руб. Если растет объем произведенных товаров и услуг МСП на 1 ед., то ВВП растет на 2,82 млрд. руб., а если растет число субъектов МСП на 1 ед., то ВВП растет на 0,006 млрд. руб. Следовательно, большее значение для экономики имеет влияние показатель оборота малого бизнеса, нежели чем их количество.

Уровень малого бизнеса в большей степени определяется региональными условиями и местными факторами развития. Воздействие сектора МСП на функционирование региональной экономики выражается в следующем:

- малый бизнес обеспечивает рабочие места населения регионов;
- представители малого бизнеса решают значительную проблему по удовлетворенности потребительского спроса;
- от успешной деятельности малого бизнеса зависит и отчисления в бюджет в форме налоговых платежей, что и влияет на пополняемость доходов бюджета субъектов РФ;
- МСП решает часть социально-значимых проблем, которые являются своего рода «социальной подушкой безопасности» – это занятость незащищенных слоев населения;
- малый бизнес качественно развивает инновационные технологии в регионах;

– МСП вносит существенный вклад во внутренний региональный продукт.

Таким образом, МСП оказывают всестороннее положительное влияние на социально-экономическое развитие региональной экономики.

МСП является одним из наиболее активных секторов экономики регионов, и скорость их изменения быстро увеличивается по мере ускорения трансформации глобальной экономической системы и общества в целом, что требует систематического мониторинга, постоянного учета, оценки и управления развитием малых и средних предприятий региона [1].

Исследуя роль малого и среднего предпринимательства в экономике региона, рассмотрим, насколько высока его значимость в формировании рынка труда в Республике Татарстан (рис. 4).

Роль представителей МСП в формировании рынка труда в Республике Татарстан в 2017-2020 гг. [5]

Рисунок 4

Как видно по данным рис. 4, доля малого и среднего бизнеса в экономике региона на рынке труда не имеет, к сожалению, тенденции к росту, что говорит об отсутствии его качественного развития. Так, в 2016 году доля МСП на рынке труда составляла 22,7%, в 2018-2019 гг. она снижалась, и на конец 2020 года составила 22,4%.

Отсутствие роста числа занятых в малом и среднем бизнесе связано с тем, что за 2016-2020 гг. в Республике Татарстан общее число субъектов малого и среднего бизнеса не выросло (рис. 5).

Численность представителей субъектов МСП в общем рынке труда в Республике Татарстан в 2016-2020 гг., ед. [5]

Рисунок 5

Согласно данным, представленным на рисунке 5, в Республике Татарстан общая численность субъектов МСП сократилась в 2020 году относительно 2016 года на 2751 субъект, или на 1,8%. При этом можно также по рис. 5 наблюдать, что численность субъектов МСП, являющихся юридическими лицами, сократилась на 6998 субъектов за этот же период, а численность ИП возросла на 4247 ед. Сокращение числа субъектов МСП в целом и числа организаций говорит о том, что малый и средний бизнес не смог выжить в конкурентной борьбе за потребителя и не видел смысла в продолжении своей деятельности. Вместе с тем по такому показателю, как доля малого и среднего бизнеса в экономике региона, татарстанский малый и средний бизнес показывает устойчивую тенденцию к росту.

Удельный вес доли продукции МСП в валовом региональном продукте (далее – ВРП) представлен на рисунке 6.

Как видно из данных рисунка 6, если в 2016 году доля МСП в экономике региона составляла 23,9%, то в 2020 году она возросла до

37,0%. Таким образом, несмотря на сокращение численности занятых, малый и средний бизнес в целом показал рост оборота.

Роль МСП в формировании валового регионального продукта Республики Татарстан в 2016-2020 гг. [5]

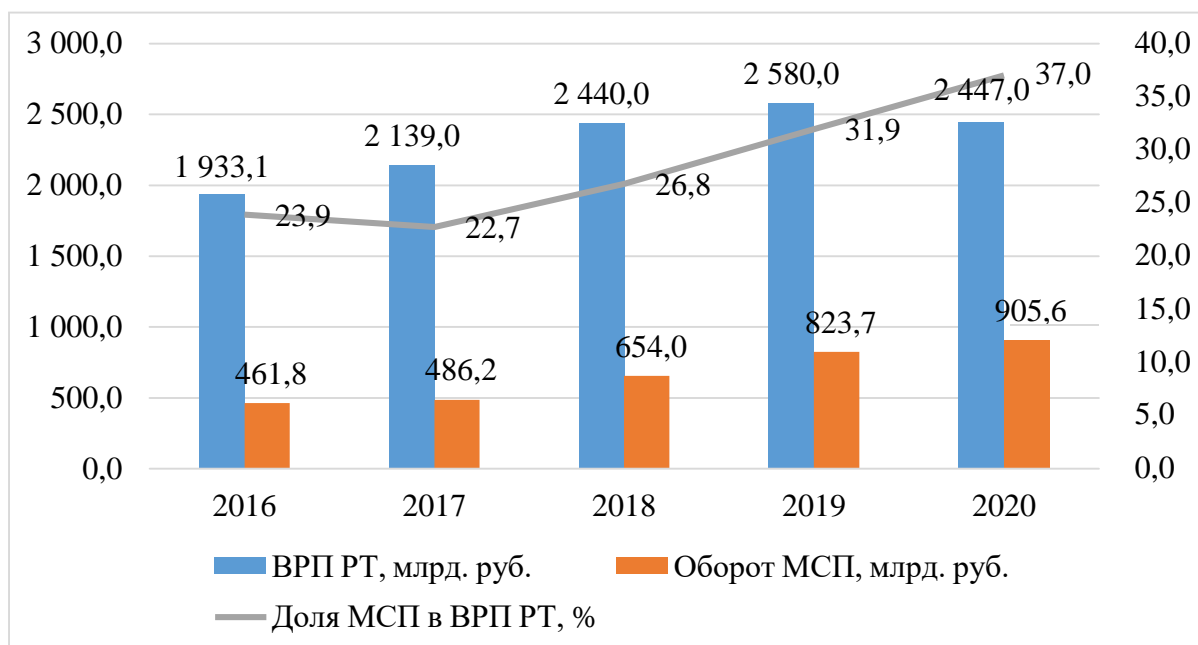

Рисунок 6

По аналогии с проведенным эконометрическим моделированием влияния МСП на экономику России, проведем моделирование того, как развитие малого и среднего бизнес повлияет на экономику Республики Татарстан. Данные представлены в таблице 3.

Статистические данные для построения модели влияния МСП на экономику Республики Татарстан [5]

Год	ВРП (Y), млрд. руб.	Объем произведенных товаров и услуг МСП (X1), млрд. руб.	Число субъектов МСП (X2), ед.
2016	1 933,1	461,8	155 908
2017	2 139,0	486,2	157 366
2018	2 440,0	654	159 254
2019	2 580,0	823,7	157 783
2020	2 447,0	905,6	153 157

Таблица 3

Итоги моделирования влияния МСП на экономику Республики Татарстан представлены на рисунке 7.

Итоги моделирования влияния МСП на экономику региона

Регрессионная статистика								
Множественный R	0,992877576							
R-квадрат	0,985805881							
Нормированный R-квадрат	0,971611761							
Стандартная ошибка	44,56500973							
Наблюдения	5							
Дисперсионный анализ								
		df	SS	MS	F	Значимость F		
Регрессия		2	275867,7678	137933,8839	69,45171171	0,014194119		
Остаток		2	3972,080184	1986,040092				
Итого		4	279839,848					
	Коэффициент	стандартная ошиб	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	-7940,03033	1655,777167	-4,795349574	0,040841408	-15064,26448	-815,7961842	-15064,26448	-815,7961842
Переменная X 1	1,413614382	0,121025071	11,68034335	0,007250128	0,89288553	1,934343234	0,89288553	1,934343234
Переменная X 2	0,05938989	0,010367464	5,728487873	0,029147569	0,014782294	0,103997485	0,014782294	0,103997485

Рисунок 7

По данным полученной модели на рисунке 7 можно с уверенностью говорить о том, что развитие малого и среднего бизнеса в РТ положительно сказывается на ВРП региона. Построенная модель признается по ряду параметров достоверной (множественный R близится к единице, а значимость F близится к нулю).

Итоги модели сформировали уравнение регрессии:

$$Y = -7940,03 + 1,4X_1 + 0,06X_2$$

Это говорит о следующем: если растет число субъектов малого бизнеса на 1 тыс. ед., то ВРП растет на 0,06 млрд. руб. Если растет объем произведенных товаров и услуг МСП на 1 ед., то ВРП растет на 1,4 млрд. руб.

Следовательно, большее значение для экономики региона имеет влияние показатель оборота малого бизнеса, нежели чем их количество.

Таким образом, малый бизнес представляет собой предпринимательскую деятельность небольших масштабов, в которых предприниматель самостоятельно единолично принимает решения в условиях риска, несет за них ответственность и преследует целью получение прибыли. Малый бизнес играет ключевую роль в создании

ВВП, рабочих мест и обеспечивает наличие конкурентной среды в экономике.

Первая регрессионная модель показала, что развитие малого и среднего предпринимательства положительно сказывается на ВВП России, причем большее значение для экономики страны имеет влияние показателя оборота малого бизнеса, нежели чем их количество.

Вторая регрессионная модель показала, что развитие МСП в РТ также оказывает положительный эффект на ВРП региона, причем большее значение для экономики Татарстана имеет показатель оборота малого бизнеса, нежели чем их количество.

В целом проведенный анализ показал, что в России несмотря на все существующие многочисленные меры государственной поддержки, институт малого и среднего предпринимательства не сложился в достаточной степени, результатом чего является низкая предпринимательская активность населения.

Недостаточная эффективность действующей в настоящее время в РФ системы государственного регулирования и поддержки МСП привела к неравномерным темпам роста числа МСП, незначительной доле данного сектора в валовом внутреннем продукте страны, в налоговых поступлениях, к низкому количеству занятых на малых предприятиях.

С нашей точки зрения, в РФ должна сложиться эффективная система мер государственной помощи малому и среднему бизнесу, ведь данный сектор сложно развивать без дополнительного финансирования, а его значимость для национальной экономики неоспорима, что подтверждается результатами проведенного эконометрического моделирования, которое показало значительную степень влияния малого и среднего бизнеса на рост ВВП страны.

В текущей ситуации сложно говорить о работе над развитием и ростом российской предпринимательской системы. Основная задача

сейчас в условиях пандемии COVID-19 и санкций со стороны зарубежных стран, которые, скорее всего, будут только увеличиваться, не допустить значительного снижения общего экономического развития России и вернуться к уровню, уже достигнутому в сфере малого бизнеса в 2021 году.

На наш взгляд, для создания условия увеличения представителей МСП органам государственной власти рационально продолжить политику снижения налогового обременения, налоговой реструктуризации для малого бизнеса.

Список литературы:

1. Глезман Л.В. Развитие малого и среднего предпринимательства в новых условиях регионального пространства // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Том 12. № 7. С. 1855-1868.
2. Панферова Л. В., Романова Д. И. Поддержка малого бизнеса государством как одна из приоритетных задач // *Oeconomia et Jus*. 2020. № 2. С. 24-30.
3. Институциональные преобразования в экономике // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (дата обращения: 13.11.2022).
4. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 13.11.2022).
5. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <https://tatstat.gks.ru/ofstatistics> (дата обращения: 13.11.2022).

References:

1. Glezman L.V. Development of small and medium-sized businesses in the new conditions of the regional space // *Economics, entrepreneurship and law*. 2022. Volume 12. No. 7. P. 1855-1868.
2. Panferova L. V., Romanova D. I. Small business support by the state as one of the priority tasks // *Oeconomia et Jus*. 2020. No. 2. P. 24-30.
3. Institutional transformations in the economy // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/instituteconomics> (date of access: 11/13/2022).
4. Statistics for the national project "Small and medium-sized businesses and support for individual entrepreneurial initiatives" // Unified register of small and medium-sized businesses. URL: <https://rmsp.nalog.ru/index.html> (date of access: 11/13/2022).
5. Official statistics // Federal State Statistics Service for the Republic of Tatarstan. URL: <https://tatstat.gks.ru/ofstatistics> (date of access: 11/13/2022).

Региональные аспекты создания системы управления производительностью труда

Соколова Лариса Георгиевна
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом
Красноярский институт железнодорожного транспорта
г. Красноярск, Россия
e-mail: sokolova-lg@yandex.ru
SPIN-код: 7964-2010

Аннотация

Важная роль в развитии экономики страны отведена показателю производительности, определяющему эффективность использования вложенных ресурсов в производственную и непроизводственную сферу деятельности. Значительная роль в улучшении данного показателя отведена органам власти всех уровней управления. Следует отметить, что в научно-исследовательской литературе проблемы роста производительности направлены в основном на изучение вопросов, касающихся корпоративного уровня управления. Проведена группировка субъектов РФ по индексу производительности труда по Федеральным округам. Проанализирована нормативно-правовая основа применения различных форм государственного и муниципального регулирования вопросов повышения производительности труда региона. Обоснована необходимость изменения государственной политики формирования системы управления производительностью на региональном уровне. Предложен этапный процесс создания системы непрерывного управления производительностью на региональном уровне.

Ключевые слова: индекс производительности труда валовый региональный продукт, федеральный округ, стратегическое планирование, процесс управления.

Regional aspects of creating a labor productivity management system

Sokolova Larisa Georgievna
Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel
Management
Krasnoyarsk Institute of Railway Transport
Krasnoyarsk, Russia
e-mail: sokolova-lg@yandex.en
SPIN: 7964-2010

Abstract

An important role in the development of the country's economy is assigned to the productivity indicator, which determines the efficiency of the use of invested resources in the production and non-production sphere of activity. A significant role in improving this

indicator is assigned to authorities at all levels of government. It should be noted that in the research literature, the problems of productivity growth are mainly aimed at studying issues related to the corporate level of management. The grouping of the subjects of the Russian Federation according to the labor productivity index by Federal Districts was carried out. The regulatory and legal basis for the application of various forms of state and municipal regulation of issues of increasing the productivity of the region is analyzed. The necessity of changing the state policy of forming a performance management system at the regional level is substantiated. A step-by-step process of creating a continuous performance management system at the regional level is proposed.

Keywords: labor productivity index, gross regional product, federal district, strategic planning, management process.

Актуальность. Производительность в современных условиях хозяйствования рассматривается как многофакторный показатель использования вложенных в экономическую деятельность ресурсов. В зарубежной практике определение производительности имеет несколько концептуальных подходов связанных не только со степенью использования расходуемых ресурсов, но и в общественной оценке человека к постоянному совершенствованию. В развитых странах государственными статистическими органами и частными аналитическими агентствами систематически проводится оценка показателей производительности по многофакторным критериям. В сферу изучения попадают не только фактически полученные показатели производительности, но и достижение запланированных.

В Российской Федерации управление производительностью затруднено недостаточно разработанной и апробированной на различных уровнях управления методической базой, которая сосредоточена в основном на корпоративном уровне управления.

Цель исследования. Изучить существующие возможности создания системы управления региональной производительностью и концептуально определить этапы ее реализации.

Методы исследования. Основным показателем, характеризующим значение многофакторного показателя производительности, является

добавленная стоимость. Определяемая на уровне страны валовым региональным продуктом (ВВП) и на уровне субъекта РФ – региональным валовым продуктом (ВРП). Статистические органы на основе индексов физического объема ВРП и изменения совокупных затрат труда рассчитывают индекс производительности труда по экономике региона в целом. Индекс физического объема ВРП рассчитывается исходя из абсолютных значений этого показателя в постоянных ценах. Индексы изменения совокупных затрат труда определяются на основе трудовых затрат на всех видах работ, включая дополнительную работу и производство продукции для собственного потребления [1]. Анализ статистических данных по Федеральным округам РФ выявил значительные диспропорции в объемах получаемой добавленной стоимости (ВРП) (табл. 1).

**Доля валового регионального продукта по федеральным округам
Российской Федерации, % [2]**

Регион	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Российская Федерация	100	100	100	100
Центральный федеральный округ	35,1	35,1	35,2	35,5
Северо-Западный федеральный округ	11,3	11,2	11,2	11,1
Южный федеральный округ	7,4	7,4	7,3	7,8
Северо-Кавказский федеральный округ	2,6	2,6	2,6	2,6
Приволжский федеральный округ	14,9	14,8	14,8	14,6
Уральский федеральный округ	13,3	13,5	13,4	13,1
Сибирский федеральный округ	9,5	9,4	9,4	9,3
Дальневосточный федеральный округ	5,9	6,0	6,1	6,0

Таблица 1

Несмотря на большой разброс значений формирования добавленной стоимости по Федеральными округам и РФ, темпы роста производительности труда за исследуемые 7 лет по всем Федеральным округам приближены к среднероссийским показателям [3]. Наиболее наглядную характеристику деятельности региональных властей о работе по повышению производительности труда дает анализ ранжирования субъектов РФ в федеральном округе по выполнению намеченных

среднероссийских показателей роста производительности труда. Рассматривая тенденции, складывающиеся в связи с выполнением установленных критериев по росту производительности труда следует отметить, что в субъектах РФ целенаправленной работы по выявлению факторов роста и увеличения показателя не прослеживается. На общероссийском уровне показатели по годам довольно нестабильны и не соответствуют намеченным темпам, указанным в программных документах выполнения национального проекта (табл. 2).

**Индекс производительности труда в Российской Федерации
в 2017-2021 гг., в % к предыдущему году [4]**

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
ИПТ	102,1	103,1	102,4	99,6	102,8

Таблица 2

Проведенное исследование позволило выявить в субъектах РФ наличие разработанных и реализуемых программ повышения производительности труда в рамках реализации федеральных стандартов ее достижения. Тем не менее, наметилась тенденция роста числа субъектов с сокращением темпов роста производительности по сравнению с предыдущим периодом [4]. Так, в Центральном и Сибирском федеральных округах число субъектов РФ, допустивших невыполнение показателей производительности труда по сравнению с прошедшим периодом увеличилось в два раза за последние четыре года (с 2 до 4), в Северо-Западном округе увеличение составило в 7 раз (с 1 до 7), в Приволжском и Уральском округах – в 6 раз, в Южном федеральном округе – в 3 раза (с 1 до 3). Только в Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах просматривается положительная динамика по выполнению намеченных темпов роста производительности труда (табл. 3). Недооценка влияния показателя производительности труда на стабилизацию развитие экономики не способствует повышению благосостояния населения и увеличивает трудности с формированием бюджета региона, поскольку

заработная плата и прибыль предприятий являются налогооблагаемыми показателями. Также показатель валового регионального продукта позволяет выявить тенденции вложения дополнительных ресурсов в развитие производства (за счет роста прибыли) и увеличения доходов населения (за счет роста средней заработной платы по региону).

**Группировка показателей индекса производительности труда по
федеральным округам Российской Федерации в 2017-2020 гг.,
ед. субъектов РФ [4]**

Показатель	2017г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Центральный федеральный округ				
Всего, в т.ч.	18	18	18	18
выше средних данных по РФ	9	5	9	14
не достигших 100 процентов	2	-	3	4
Северо-Западный федеральный округ				
Всего, в т.ч.:	11	11	11	11
выше средних данных по РФ	8	5	6	6
Не достигших 100 процентов	1	1	-	7
Южный федеральный округ				
Всего, в т.ч.:	8	8	8	8
выше средних данных по РФ	5	4	5	6
Не достигших 100 процентов	1	2	1	3
Северо-Кавказский федеральный округ				
Всего, в т.ч.:	7	7	7	7
выше средних данных по РФ	1	-	3	6
Не достигших 100 процентов	4	5	2	1
Приволжский федеральный округ				
Всего, в т.ч.:	14	14	14	14
выше средних данных по РФ	9	6	11	8
Не достигших 100 процентов	-	-	-	6
Уральский федеральный округ				
Всего, в т.ч.:	6	6	6	6
выше средних данных по РФ	4	5	2	1
Не достигших 100 процентов	1	1	3	6
Сибирский федеральный округ				
Всего, в т.ч.:	10	10	10	10
выше средних данных по РФ	6	5	4	6
Не достигших 100 процентов	2	1	1	4
Дальневосточный федеральный округ				
Всего, в т.ч.:	11	11	11	11
выше средних данных по РФ	3	5	8	9
Не достигших 100 процентов	4	-	1	3

Таблица 3

В такой ситуации увеличение валового регионального продукта (ВРП) становится критерием для оценки не только производительности труда, но и организации процесса его увеличения со стороны органов власти.

Результаты исследования. Исследования нормативной базы и опыта некоторых субъектов РФ по повышению темпов роста производительности труда установили направления регионального и муниципального влияния на управление данным процессом. Ст. 5 и ст. 6 Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» определили полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования [5].

В пределах полномочий субъекты РФ не только устанавливают порядок осуществления стратегического планирования в субъекте, требования к содержанию документов, но и определяют приоритеты социально-экономической политики, формируют долгосрочные цели и задачи. Органы местного самоуправления при разработке документов стратегического планирования определяют долгосрочные цели и задачи муниципального управления и социально-экономического развития муниципальных образований.

В разрабатываемых в субъектах РФ прогнозах социально-экономического развития на долгосрочную и среднесрочную перспективу нет показателей производительности. Не выявлено значение данного показателя и в планах мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития, а также в государственных программах субъекта Российской Федерации;

Поскольку показатели роста производительности труда напрямую влияют на стоимость рабочей силы и связаны с повышением заработной платы, внимание к этому показателю социально-экономического развития

территории должно быть усилено со стороны органов государственного и муниципального управления [6]. Изучение сложившейся ситуации по влиянию органов власти на изменение ситуации с ростом производительности труда в сторону значительного роста исследовалось и позволило выявить особенности современного регионального управления производительностью [7].

Организуя систему управления совокупной производительностью в рамках отдельного субъекта РФ необходимо предусмотреть цикличность ее функционирования и взаимосвязь межрегионального и межмуниципального сотрудничества по данному вопросу. Процесс непрерывного управления производительностью в регионе можно представить схематично (рис.1).

**Схема формирования процесса непрерывного управления
производительностью в регионе**

Рисунок 1

Первый этап предполагает формирования целей и задач, обозначаемых федеральными органами государственного управления, на основе факторных измерений производительности и выявления резервов роста данного показателя. На втором этапе при проведении оценки имеющихся резервов роста производительности определяется возможности развития производственных факторов (инвестиционные вложения в труд и капитал, создание высокопроизводительных рабочих мест) и непроизводственных факторов (развитие социальной инфраструктуры, состояние рынка труда, институциональная поддержка, и т.д.). В современных условиях невозможно исключить и такой этап формирования показателей по росту производительности, как риски и возможности развития. Данный этап формирования системы непрерывного управления производительностью в регионе позволит в ходе исполнения мероприятий выявить сложные направления и своевременно откорректировать деятельность. На основе выявленных резервов роста производительности и учета рисков и возможностей устанавливаются прогнозные показатели, реализация которых осуществляется по плану мероприятий, разработанных на следующем этапе. Реализация мероприятий по повышению производительности за определенный период завершается возвратом к первому этапу — измерение совокупной производительности.

Заключение. Усиление внимания к проблеме стратегического планирования показателей совокупной производительности в регионе и создание системы непрерывного управления данным процессом позволит сгладить диспропорции в социально-экономическом развитии субъектов России.

Список литературы:

1. Об утверждении Методики расчета показателя производительности труда: Приказ Росстата от 28.04.2018. № 274 // Федеральная служба государственной

статистики. URL: <https://www.gks.ru/metod/pr274-280418.pdf> (дата обращения 23.10.2022).

2. Национальные счета. Валовой региональный продукт // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 23.10.2022).

3. Соколова Л. Г. Теория и реальности разработки государственной политики по повышению производительности труда // Экономика труда. 2020. Том 7. № 2. С. 127-140.

4. Национальные счета. Индекс производительности труда // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения 23.10.2022).

5. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. N 26. Ст. 3378 (Часть I).

6. Соколова Л.Г. Влияние методов формирования кадрового инновационного персонала занятых в экономической деятельности на рост производительности труда // Экономика труда. 2022. т. 9. № 2. С. 285-298.

7. Соколова Л.Г. Особенности регионального управления производительностью в условиях реструктуризации экономического развития. // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации. Сборник трудов XXII Всероссийской научно-практической конференции. Под научной редакцией В.М. Ячменевой. 2020. Издательство: ООО «Издательство Типография «Ариал» (Симферополь). С.118-123.

References:

1. On approval of the Methodology for calculating the indicator of labor productivity: Order of Rosstat dated 04/28/2018. No. 274 // Federal State Statistics Service. URL: <https://www.gks.ru/metod/pr274-280418.pdf> (accessed 23.10.2022).

2. National accounts. Gross regional product // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (accessed 10/23/2022).

3. Sokolova L. G. Theory and reality of the development of state policy to increase labor productivity // Labor Economics. 2020. Volume 7. No. 2. P. 127-140.

4. National accounts. Labor productivity index // Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (accessed 10/23/2022).

5. On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. N 26. Art. 3378 (Part I).

6. Sokolova L.G. Influence of methods of formation of personnel innovative personnel employed in economic activity on the growth of labor productivity // Labor Economics. 2022, vol. 9, no. 2, pp. 285-298.

7. Sokolova L.G. Features of regional performance management in the context of economic development restructuring. // Sustainable development of the socio-economic system of the Russian Federation. Proceedings of the XXII All-Russian Scientific and Practical Conference. Under the scientific editorship of V.M. Barley. 2020. Publisher: LLC Publishing House Typography Arial (Simferopol). pp.118-123.

DOI: 10.58589/26866722_2023_75_63

УДК/UDC 338.465.4

Развитие подходов к оценке уровня конкурентоспособности государственных учреждений дополнительного образования детей

Темнова Наталия Константиновна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой экономики и финансов

Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: nktemnova@yandex.ru

SPIN-код: 704636/9030-7778

Хасанова Ольга Александровна

аспирант

Российский Государственный Педагогический Университет им. А. И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: hasanow-04@mail.ru

Аннотация

В Российской Федерации уделяется большое внимание повышению эффективности государственного управления на основе использования конкурентных преимуществ для формирования устойчивой конкурентоспособности учреждений государственного сектора экономики. Развитие нормативно-правовой базы, стимулирующей конкуренцию государственных учреждений, инициировало цель исследования: расширить подходы, обосновать методы и провести оценку уровня конкурентоспособности государственных учреждений дополнительного образования детей. В статье приводится подход к оценке уровня конкурентоспособности с применением конкурентного и стратегического анализа. Результаты исследования могут быть полезны руководителям государственных учреждений для принятия стратегических решений, направленных на перспективное развитие учреждения на основе оценки и формирования устойчивой конкурентоспособности, для обоснования изменения государственного задания учреждению, для привлечения дополнительных средств бюджетного финансирования, для повышения качества оказываемых услуг с целью привлечения дополнительного контингента обучающихся; органам государственной власти для оценки работы руководителей государственных учреждений, в принятии решений о перераспределении бюджетных средств между учреждениями, которые конкурируют между собой, имея идентичные базовые характеристики; потребителям государственных услуг в принятии решений о выборе государственного учреждения как поставщика услуг и другим стейкхолдерам.

Ключевые слова: государственные учреждения дополнительного образования детей, оценка уровня конкурентоспособности, конкурентный анализ, стратегический анализ, формирование устойчивой конкурентоспособности.

Development of approaches to assessing the level of competitiveness of state institutions of additional education for children

Temnova Natalia Konstantinovna

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Branch Economics and Finance

Russian State Pedagogical University

St. Petersburg, Russia

e-mail: nktemnova@yandex.ru

SPIN: 704636/9030-7778

Khasanova Olga Alexandrovna

graduate student

Russian State Pedagogical University

St. Petersburg, Russia

e-mail: hasanow-04@mail.ru

Abstract

In the Russian Federation, much attention is paid to improving the efficiency of public administration through the use of competitive advantages to form a sustainable competitiveness of public sector institutions of the economy. The development of a regulatory framework that stimulates the competition of state institutions initiated the purpose of the study: to expand approaches, substantiate methods and assess the level of competitiveness of state institutions of additional education for children. The article presents an approach to assessing the level of competitiveness using competitive and strategic analysis. The results of the study can be useful to the heads of state institutions for making strategic decisions aimed at the long-term development of the institution based on the assessment and formation of sustainable competitiveness, to justify changes in the state task of the institution, to attract additional budget funding, to improve the quality of services provided in order to attract an additional contingent of students; to state authorities to evaluate the work of heads of state institutions, in making decisions on the redistribution of budget funds between institutions that compete with each other, having identical basic characteristics; to consumers of public services in making decisions on choosing a public institution as a service provider and other stakeholders.

Key words: state institutions of additional education for children, assessment of the level of competitiveness, competitive analysis, strategic analysis, formation of sustainable competitiveness.

Актуальность.

На современном этапе социально-экономического развития России государством уделяется особое внимание повышению эффективности государственного управления в условиях конкуренции. Подтверждением

этому являются Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 года №618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции», Федеральный закон №135-ФЗ от 26.07.2006 года «О защите конкуренции», Национальный план развития конкуренции Российской Федерации на 2021-2025 годы, Стратегия развития конкуренции и антимонопольного регулирования до 2030 года. Данными документами определено, что одной из основных задач государственной политики является развитие конкуренции, использование конкурентных преимуществ не только в традиционных секторах экономики (энергетика, транспорт, аграрный сектор), но и в новых наукоемких секторах и «экономике знаний» [1, с. 57], а также в сфере социальных услуг, где существенная роль отводится деятельности государственных учреждений и предприятий (организаций) с государственным участием.

Традиционные механизмы управления в государственном секторе подавляют конкуренцию среди государственных учреждений, что сдерживает их развитие. Однако нормативно-правовые акты, принятые на государственном уровне, могут изменять эту ситуацию и инициировать рыночные механизмы конкуренции. Одним из таких значимых документов, направленных на развитие сферы социальных услуг, является Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации №678-р от 31.03.2022 года [2].

Основными целями Концепции являются совершенствование системы организации и управления дополнительного образования, обновление инфраструктуры, сохранение сети учреждений дополнительного образования детей, создание новых мест для увеличения количества обучающихся, использование возможностей дополнительного образования для повышения качества образовательных результатов,

введение персонифицированного финансирования путем выдачи родителям сертификатов на оплату за проведенные с ребенком занятия. Предоставление таких сертификатов обостряет конкуренцию между государственными бюджетными учреждениями дополнительного образования детей за получение финансовых бюджетных средств за тех детей, которые фактически посещают занятия, поскольку родители, предоставляя сертификат, будут «голосовать» рублем за то или иное учреждение, тем самым оценивая качество его работы и уровень конкурентоспособности.

Развитие нормативно-правовой базы, стимулирующей конкуренцию государственных учреждений, позволило сформулировать цель исследования: расширить подходы, обосновать методы и провести оценку уровня конкурентоспособности государственных учреждений на примере учреждений дополнительного образования детей.

Методы исследования.

Методология исследования основана на системном подходе и применении конкурентного и стратегического анализа как инструментов стратегического управления конкурентоспособностью, что позволяет составить представление о влиянии факторов внешней и внутренней среды на деятельность государственных учреждений дополнительного образования детей и формирование их устойчивой конкурентоспособности в современных условиях.

Результаты исследования.

Рынок государственных социальных услуг в сфере дополнительного образования детей Выборгского района г. Санкт-Петербурга представлен учреждениями, которые осуществляют образовательную деятельность и конкурируют между собой, имея идентичные базовые характеристики:

– тип учреждения: бюджетное учреждение;

- признак доведения субсидий: субсидии предоставляются;
- ОКАТО: 400000000000;
- вид собственности (по ОКФС): собственность субъектов РФ (13);
- тип учреждения (по ОКОПФ): государственные бюджетные учреждения субъектов РФ (75203).

Сведения о государственных учреждениях дополнительного образования детей Выборгского района г. Санкт-Петербурга представлены в открытом доступе на официальном сайте для размещения информации о государственных (муниципальных) учреждениях в соответствии с порядком, утвержденным приказом Министерства финансов РФ [3], на основании которого учреждения должны обеспечивать открытость и доступность учредительных, финансовых и иных документов.

Информация об объекте исследования оценки уровня конкурентоспособности государственных учреждений дополнительного образования детей – Государственном бюджетном учреждении дополнительного образования Дворец детского (юношеского) творчества (ГБУ ДО ДДЮТ) и конкурирующих учреждениях, приведена в таблице 1.

Сведения о государственных учреждениях дополнительного образования детей Выборгского района г. Санкт-Петербурга [4-8]

Бюджетное учреждение	Адрес фактического местонахождения
ГБУ ДО ДДЮТ – объект исследования	194291, Санкт-Петербург, ул. Сантьяго-Де-Куба, 4/2, лит. А.
ГБУ ДО «Союз»	194064, Санкт-Петербург, ул. Раевского, 5/2, лит. А.
ГБУ ДО «Современник»	194355, Санкт-Петербург, ул. Жени Егоровой, 10/3, лит. А.
ГБУ ДО «Юность»	194356, Санкт-Петербург, ул. Луначарского, д.1/корп. 2 лит. А, пом. Е 1-Н, 3-Н.
ГБУ ДО «Олимп»	194352, Санкт-Петербург, Придорожная аллея, 17/лит. А, пом. Е 5-Н.

Таблица 1

На первом этапе оценки уровня конкурентоспособности проведен конкурентный анализ и определен уровень конкурентоспособности

государственных учреждений дополнительного образования детей с применением метода сравнительной балльной оценки.

В качестве факторов конкурентоспособности взяты показатели официальной отчетности хозяйствующих субъектов, обязательные для размещения в сети интернет [3]. Каждому фактору конкурентоспособности присвоена балльная оценка по шкале от 1 до 5, где балл «1» характеризует наименьшее или наихудшее значение фактора, а балл «5» – наибольшее или наилучшее значение фактора. Значимость факторов конкурентоспособности учтена в характеристике «весомость» a_i для каждого i -фактора так, чтобы $\sum a_i = 1,00$.

Сравнительная оценка уровня конкурентоспособности образовательных учреждений дополнительного образования детей Выборгского района г. Санкт-Петербург представлена в таблице 2.

Из данных табл. 2 следует, что по результатам конкурентного сравнительного анализа наиболее высокую оценку уровня конкурентоспособности получило учреждение ГБУ ДО ДДЮТ (3,95 баллов), а наименьшую – ГБУ ДО «Современник» (3,15 баллов). Несмотря на лидерство объекта исследования, в отношении отдельных факторов конкурентоспособности, по которым ГБУ ДО ДДЮТ уступает своим конкурентам, например, комфортность условий предоставления услуг, могут быть применены инструменты бенчмаркинга, что позволит добиться наивысших характеристик конкурентоспособности.

В соответствии с целью исследования на втором этапе оценки уровня конкурентоспособности проведен стратегический анализ с применением метода SWOT с тем, чтобы составить представление о влиянии факторов внешней и внутренней среды ГБУ ДО ДДЮТ на формирование устойчивой конкурентоспособности этого учреждения.

**Сравнительная оценка уровня конкурентоспособности государственных учреждений
дополнительного образования детей [4-8]**

Фактор конкурентоспособности	Весомость фактора	ГБУ ДО ДДЮТ - объект исследования		Конкуренты							
				ГБУ ДО «Союз»		ГБУ ДО «Современник»		ГБУ ДО «Юность»		ГБУ ДО «Олимп»	
		балл	взвешенный балл	балл	взвешенный балл	балл	взвешенный балл	балл	взвешенный балл	балл	взвешенный балл
Открытость и доступность информации об учреждении	0,10	2	0,20	3	0,30	4	0,40	5	0,50	5	0,50
Комфортность условий предоставления услуг, в том числе время ее предоставления	0,10	1	0,10	4	0,40	2	0,20	5	0,50	3	0,30
Доступность услуг для инвалидов	0,10	5	0,50	1	0,10	3	0,30	2	0,20	4	0,40
Доброжелательность, вежливость работников учреждения	0,10	3	0,30	5	0,50	5	0,50	5	0,50	4	0,40
Удовлетворенность условиями оказания услуг	0,15	4	0,60	5	0,75	5	0,75	5	0,75	5	0,75
Количество потребителей дополнительных общеобразовательных программ	0,10	5	0,50	3	0,30	4	0,40	4	0,40	3	0,30
Наличие структурных подразделений (районных опорных центров)	0,10	5	0,50	3	0,30	1	0,10	1	0,10	1	0,10
Развитие платных услуг и иной, приносящей доход, деятельности	0,15	5	0,75	3	0,45	2	0,30	2	0,30	4	0,60
Рост стоимости основных средств	0,10	5	0,50	1	0,10	2	0,20	2	0,20	3	0,30
Итого	1,00	35	3,95	28	3,2	28	3,15	31	3,45	32	3,65

К факторам внешней среды, оказывающим влияние на учреждение, отнесены: законодательство в сфере образования; бюджетная политика в сфере образования; изменение нормативно-правовых актов в части финансирования учреждения; снижение уровня доходов населения; повышение рождаемости; применение ИТ в образовательном процессе; применение компьютерной техники в образовательном процессе.

Анализ факторов внешней среды позволил оценить характер их влияния и идентифицировать возможности и угрозы для перспективного развития учреждения на основе устойчивой конкурентоспособности.

Возможности формируют факторы с положительным типом влияния, которые влияют в настоящее время, продолжают свое влияние или будут влиять в будущем. К возможностям отнесены:

– изменение нормативно-правовых актов в части финансирования учреждения. Например, утверждение базовых нормативов затрат на основании технологического регламента на проведение региональной работы по осуществлению деятельности районных опорных центров позволит увеличить объем бюджетного финансирования учреждения;

– повышение рождаемости оказывает положительное влияние и приводит к увеличению контингента обучающихся учреждений дополнительного образования детей.

– применение ИТ в образовательном процессе может оказать положительное влияние на увеличение контингента обучающихся, так как позволит учреждению проводить обучение детей в дистанционном формате, либо обучать детей с ограниченными возможностями здоровья;

– применение компьютерной техники в образовательном процессе сможет сделать учебные занятия более привлекательными для детей, что поможет улучшить качество оказания образовательных услуг, повысить интерес обучающихся к занятиям, и привести к увеличению контингента обучающихся;

Угрозы формируют факторы с отрицательным типом влияния, которые отрицательно влияют в настоящее время и продолжают влиять в будущем с постоянной значимостью. К угрозам отнесены:

– изменение законодательства в сфере образования. Например, в связи с введением Федеральными государственными образовательными стандартами основных образовательных программ начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования внеурочной деятельности в учреждениях дополнительного образования детей не происходит увеличение контингента обучающихся;

– изменение бюджетной политики в сфере образования, в том числе дополнительного образования детей, и введение финансирования учреждений путем предоставления родителям специального сертификата, которым производится оплата за проведенные с ребенком занятия, может повлечь за собой снижение контингента обучающихся;

– изменение налогового законодательства и отмена налоговых льгот может привести к снижению контингента обучающихся в учреждениях дополнительного образования детей из-за увеличения финансовой нагрузки на родителей при получении услуг дополнительного образования детей;

– снижение уровня доходов населения может негативно повлиять на привлечение учреждениями дополнительного образования детей средств из внебюджетных источников.

Анализ факторов внутренней среды позволил выявить сильные и слабые стороны ГБУ ДО ДДЮТ.

К сильным сторонам отнесены:

– доступность оказания услуг для детей с ограниченными возможностями здоровья;

– наличие структурных подразделений (районных опорных центров);

– привлечение источников внебюджетного финансирования;

– проведение внутренней политики, направленной на обновление оборудования.

К слабым сторонам отнесены:

- комфортность условий предоставления услуг;
- удовлетворенность условиями оказания услуг;
- доброжелательность, вежливость работников учреждения.

Результаты SWOT-анализа влияния факторов внешней и внутренней среды на формирование устойчивой конкурентоспособности ГБУ ДО ДДЮТ представлены в таблице 3.

SWOT-анализ ГБУ ДО ДДЮТ

Сильные стороны учреждения (S)	Слабые стороны учреждения (W)
<p>1. Созданы условия для реализации дополнительных общеразвивающих программ. Доля рынка, занимаемого учреждением, составляет 44%.</p> <p>2. Направление части средств финансирования учреждения на обновление оборудования. Доля направляемых средств составляет 5%.</p> <p>3. Привлечение источников внебюджетного финансирования.</p> <p>4. Наличие в учреждении структурных подразделений в виде районных опорных центров: Районный опорный центр по гражданскому и патриотическому воспитанию; Опорный центр по организации деятельности детских общественных движений и объединений, развитию Российского движения школьников; Опорный центр по организационно-методическому сопровождению деятельности педагогических работников образовательных учреждений.</p> <p>5. Доступность услуг для детей с ограниченными возможностями здоровья.</p>	<p>1. Комфортность условий предоставления услуг, в том числе время ее предоставления.</p> <p>2. Удовлетворенность условиями оказания услуг.</p> <p>3. Доброжелательность, вежливость работников учреждения.</p>
Возможности (W)	Угрозы (T)
<p>1. Изменение нормативно-правовых актов в части финансирования учреждения.</p> <p>2. Развитие внебюджетной деятельности учреждения.</p> <p>3. Применение ИТ в образовательном процессе.</p> <p>4. Применение компьютерной техники в образовательном процессе.</p> <p>5. Увеличение контингента обучающихся.</p>	<p>1. Изменение законодательства в сфере образования, которое может негативно сказаться на деятельности учреждения.</p> <p>2. Изменение бюджетной политики в сфере образования, влияющей на деятельность учреждения.</p> <p>3. Изменение налогового законодательства и отмена налоговых льгот.</p> <p>4. Снижение уровня доходов населения.</p>

Таблица 3

По результатам проведенного SWOT-анализа можно сделать следующие рекомендации для руководства ГБУ ДО ДДЮТ для повышения уровня конкурентоспособности учреждения:

1. Использовать сильные стороны учреждения и возможности внешней среды: включение в государственное задание государственных услуг по реализации адаптированных образовательных программ по работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья, а так же региональной работы по обеспечению деятельности опорных центров с целью привлечения дополнительного внебюджетного финансирования; проведение работы с общеобразовательными организациями в форме сетевого взаимодействия по реализации учебных планов проведения внеурочной деятельности; продолжение работы по обновлению оборудования; применение IT в образовательном процессе.

2. Минимизировать влияние слабых сторон учреждения: проведение работы с коллективом учреждения по соблюдению правил внутреннего трудового распорядка; введение «Кодекса этики» в учреждении для повышения доброжелательности и вежливости работников учреждения; прохождение работниками учреждения курсов профессиональной подготовки с целью повышения качества оказания услуг и повышения удовлетворенности получателей услуг.

3. Использовать сильные стороны учреждения с целью минимизации рисков возможных угроз: повышение эффективности использования бюджетных средств и средств внебюджетных источников для минимизации налоговой базы в случае отмены налоговых льгот; проведение работы по повышению качества оказания услуг для увеличения контингента обучающихся; проведение анализа доходности платных образовательных услуг с целью выявления низкорезультативных (неэффективных) направлений и замену их на более эффективные, пользующиеся спросом у потребителей.

4. Внедрить систему мониторинга оценки качества предоставления образовательных услуг.

Таким образом, на основании результатов SWOT-анализа ГБУ ДО ДДЮТ и другие аналогичные государственные учреждения дополнительного образования детей могут разработать стратегию формирования устойчивой конкурентоспособности с учетом факторов внешней и внутренней среды.

Заключение.

Предлагаемый подход к оценке уровня конкурентоспособности с применением методов конкурентного и стратегического анализа может использоваться для оценки и управления конкурентоспособностью государственных учреждений дополнительного образования детей и быть рекомендован следующим стейкхолдерам:

– руководителям учреждений для принятия стратегических управленческих решений, направленных на перспективное развитие учреждения; в качестве обоснования изменения государственного задания учреждения с целью привлечения дополнительных средств бюджетного финансирования; для повышения качества оказываемых услуг с целью привлечения дополнительного контингента обучающихся;

– органам государственной власти для оценки работы руководителей государственных учреждений; для принятия решений о перераспределении бюджетных средств между учреждениями, которые конкурируют между собой, имея идентичные базовые характеристики;

– потребителям государственных услуг для принятия решения о выборе государственного учреждения как поставщика услуг и другим стейкхолдерам.

Список литературы:

1. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Министерство экономического развития. URL:

<https://www.economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf> (дата обращения: 29.10.2022).

2. Об утверждении Концепции развития дополнительного образования детей и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 04.09.2014 N 1726-р: Распоряжение Правительства РФ от 31.03.2022 № 678-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204040022> (дата обращения: 29.10.2022).

3. Об утверждении порядка предоставления информации государственным (муниципальным) учреждением, ее размещением на официальном сайте в сети Интернет и ведения указанного сайта: Приказ Минфина России от 21 июля 2011 г. № 86н // Федеральное казначейство. URL: <https://roskazna.gov.ru/dokumenty/gis/elektronnyy-byudzhet/ofitsialnyy-sayt-gmu/535198/> (дата обращения: 29.10.2022).

4. Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования Дворец детского (юношеского) творчества. Выборгского района Санкт-Петербурга // Официальный сайт ГМУ. URL: <https://bus.gov.ru/agency/189668> (дата обращения: 13.11.2022).

5. Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования Дом детского творчества «Союз» Выборгского района Санкт-Петербурга // Официальный сайт ГМУ. URL: <https://bus.gov.ru/agency/188886> (дата обращения: 13.11.2022).

6. Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования Дом детского творчества «Современник» Выборгского района Санкт-Петербурга // Официальный сайт ГМУ. URL: <https://bus.gov.ru/agency/188584> (дата обращения: 13.11.2022).

7. Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования Дом детского творчества «Юность» Выборгского района Санкт-Петербурга // Официальный сайт ГМУ. URL: <https://bus.gov.ru/agency/150803> (дата обращения: 13.11.2022).

8. Государственное бюджетное учреждение дополнительного образования Дом детского творчества «Олимп» Выборгского района Санкт-Петербурга // Официальный сайт ГМУ. URL: <https://bus.gov.ru/agency/209295> (дата обращения: 13.11.2022).

References:

1. Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030 // Ministry of Economic Development. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/a5f3add5deab665b344b47a8786dc902/prognoz2036.pdf> (date of access: 29.10.2022).

2. On the approval of the Concept for the development of additional education for children and the invalidation of the Order of the Government of the Russian Federation of 04.09.2014 N 1726-r: Order of the Government of the Russian Federation of 31.03.2022 No. 678-r // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204040022> (date of access: 10/29/2022).

3. On approval of the procedure for providing information by a state (municipal) institution, its placement on the official website on the Internet and maintaining the said website: Order of the Ministry of Finance of Russia dated July 21, 2011 №86н // Federal Treasury. URL: <https://roskazna.gov.ru/dokumenty/gis/elektronnyy-byudzhet/ofitsialnyy-sayt-gmu/535198/> (date of access: 10/29/2022).

4. State budgetary institution of additional education Palace of children's (youthful) creativity. Vyborgsky district of St. Petersburg // Official website of the State Medical University. URL: <https://bus.gov.ru/agency/189668> (date of access: 11/13/2022).

5. State budgetary institution of additional education House of children's creativity "Union" of the Vyborg district of St. Petersburg // Official website of the State Medical University. URL: <https://bus.gov.ru/agency/188886> (date of access: 11/13/2022).

6. State budgetary institution of additional education House of children's creativity "Sovremennik" of the Vyborgsky district of St. Petersburg // Official website of the State Medical University. URL: <https://bus.gov.ru/agency/188584> (date of access: 11/13/2022).

7. State budgetary institution of additional education House of children's creativity "Youth" of the Vyborg district of St. Petersburg // Official website of the State Medical University. URL: <https://bus.gov.ru/agency/150803> (date of access: 11/13/2022).

8. State budgetary institution of additional education House of children's creativity "Olimp" of the Vyborgsky district of St. Petersburg // Official website of the State Medical University. URL: <https://bus.gov.ru/agency/209295> (date of access: 11/13/2022).

DOI: 10.58589/26866722_2023_75_77

УДК/UDC 658.51

Проблемы оперативного планирования на механическом производстве: анализ влияющих факторов

Шаров Евгений Дмитриевич
магистрант

Уральский Федеральный Университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: sharovedm@gmail.com

Шубат Оксана Михайловна

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях

Уральский Федеральный Университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия
e-mail: o.m.shubat@urfu.ru

SPIN-код: 1551-3449

Аннотация

В статье рассматриваются понятие оперативного планирования и проблемы его организации на промышленном предприятии, так как реализация процессов оперативного планирования является одним из главных и наиболее эффективных механизмов управления любым типом производства на промышленном предприятии. В ходе работы авторами проведен математико-статистический анализ показателей, влияющих на своевременную отгрузку готовой продукции, показана закономерность влияния простоя оборудования и брака на сроки отгрузки готовой продукции. В качестве объекта исследования было выбрано частное механическое производство ООО «ТЕХБУРГ» в городе Екатеринбург, выполняющее заказы по механической обработке металла разной сложности. Исследование показало, что между сроками отгрузки продукции заказчику и процентом брака, а также временем простоя оборудования существует взаимосвязь.

Ключевые слова: оперативное планирование, экономико-статистический анализ, простой оборудования, нарушение сроков отгрузки, доля бракованной продукции.

Problems of operational planning in mechanical production: analysis of influencing factors

Sharov Evgenij Dmitrievich
Master's degree student
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
e-mail: sharovedm@gmail.com

Shubat Oksana Mikhailovna

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management at Metallurgical and Machine-Building Enterprises
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia
e-mail: o.m.shubat@urfu.ru
SPIN: 1551-3449

Abstract

The article discusses the concept of operational planning and the problems of its organization at an industrial enterprise, since the implementation of operational planning processes is one of the main and most effective management mechanisms for any type of production at an industrial enterprise. In the course of the work, the authors carried out a mathematical and statistical analysis of indicators affecting the timely shipment of finished products, showed the regularity of the influence of equipment downtime and defects on the timing of shipment of finished products. As the object of the study was chosen a private mechanical production of LLC "TECHBURG" in the city of Yekaterinburg, fulfilling orders for metal machining of varying complexity. The study showed that there is a relationship between the timing of shipment of products to the customer and the percentage of defects, as well as the downtime of equipment.

Key words: operational planning, economic and statistical analysis, equipment downtime, violation of shipment deadlines, the share of defective products.

Перед современным машиностроительным предприятием стоит задача бесперебойного выпуска и поставки высококачественной продукции. Планирование работы производственных цехов относится к первому уровню решаемых задач на предприятии [1]. От грамотного планирования работы зависит своевременная поставка комплектов деталей заказчику, что в дальнейшем влияет на выполнение показателей производства. Планирование работы на механическом производстве – многоступенчатый сложный процесс, требующий учета большого количества составляющих, таких как соблюдение сроков плана производства, обеспечение работников цеха заготовками, инструментом, оснасткой и расходными материалами, сопровождение работы по изготовлению деталей службами главного технолога и конструкторского бюро, проведение планово-предупредительного ремонта согласно графику.

Специалисты отмечают, что при планировании работы механического цеха также необходимо учитывать обеспечение

оптимального использования оборудования, поддержку необходимых запасов материалов, составление производственных заданий и графиков с учетом технологических требований и наличия производственных ресурсов, а также быстрое реагирование на возникающие производственные проблемы [2].

Без учета вышеперечисленных работ и компетентных управленческих решений руководителей производства невозможно выстроить слаженную работу участков, цехов и всего предприятия в целом. Своевременность и качественное выполнение основного производства в значительной степени зависит от того, как налажена работа вспомогательного и обслуживающего производства, которые подчинены задаче лучшего обеспечения предприятия основного производства материалами и техникой [3].

Одним из главных и наиболее эффективных механизмов управления любым типом производства на промышленном предприятии является реализация процессов оперативного планирования.

Оперативное планирование на промышленном предприятии: теоретические вопросы исследования.

Под оперативным планированием понимается совокупность методов и средств планирования и регулирования хода процесса производства, призванная обеспечить своевременное и качественное выполнение годовых заданий [4]. Это комплекс мероприятий, направленных на создание производственных планов (заданий) с четко установленным сроком, прогноз производственной деятельности, а также учет показателей и контроль за исполнением намеченных планов. Оперативное планирование на производстве является основным фактором, который обеспечивает ритмичность работы предприятия и выполнения заказов в срок [5, 6]. Принципами оперативного планирования на предприятиях выступают: гибкость, непрерывность, холизм, точность [7].

Оперативное планирование должно учитывать отраслевую специфику, тип производства, конструктивные и технологические особенности выпускаемой продукции, характер используемых технологий, уровень внешней кооперации (аутсорсинга) основного производства и т. д. Такое планирование должно быть взаимосвязано с материально-техническим снабжением, конструкторско-технологической и организационной подготовкой производства, текущим планированием, управленческим учетом и бюджетированием [4].

Оперативное планирование должно осуществляться на всех уровнях управления предприятием:

- на уровне производства в целом этим занимаются планово-экономический и производственно-диспетчерский отделы;

- на уровне структурных подразделений (цехов) ответственность за оперативное планирование несут производственно-диспетчерское и планово-распределительное бюро;

- на уровне производственных участков – планово-управленческий персонал производственного участка (начальники участков, мастера) [8].

В процессе оперативного учета основными измерителями обычно выступают натуральные, объемные и временные показатели, охватывающие процессы производства и потребления продукции, нормативы расхода и использования производственных ресурсов, показатели брака и других потерь. При этом очевидно, что простои оборудования и бракованная продукция потенциально приведут к срыву договорных обязательств перед заказчиком, что, в свою очередь, приведёт к финансовым убыткам производства.

Методические вопросы исследования.

Целью представленного в статье исследования являлось изучение влияния простоев и брака на своевременную отгрузку готовой продукции с предприятия. В качестве объекта настоящего исследования было выбрано

механическое производство ООО «ТЕХБУРГ» в городе Екатеринбург. Это предприятие, образованное в 2020 г., выполняющее заказы по механической обработке металла разной сложности. Парк оборудования состоит преимущественно из автоматов продольного точения. Данные станки позволяют выполнять большой количественный объем изделий с минимальным вмешательством оператора.

Для исследования в течение трех месяцев проводился ежедневный сбор статистических данных о простоях оборудования в часах, доле брака по каждой единице оборудования, а также планируемых и фактических сроках отгрузки продукции с предприятия. Анализируемая совокупность состояла из 21 наблюдения.

В качестве методов анализа применялась описательная статистика (расчет и интерпретация показателей центра распределения – среднее и медиана, показатели вариации), аналитическая инфографика (диаграмма размаха «ящик с усами»), параметрические и непараметрические методы сравнения средних величин, методы оценки взаимосвязи на основе коэффициента Эта.

Важным методическим подходом в исследовании является анализ «выбросов» – нетипичных значений, резко отличающихся от основной совокупности данных. Такие значения определялись на основе критерия Тьюки как значения, отстоящие от первого или третьего квартиля на 1,5 и более межквартильных размаха в меньшую или большую сторону соответственно. В ходе анализа реализовывалось несколько итераций описательной статистики, на каждой из которых на основе диаграммы размаха «ящик с усами» выявлялись «выбросы». Итерационный процесс завершался в тот момент, когда исследуемые переменные уже не содержали такие нетипичные значения.

Результаты исследования.

Проведенное исследование позволило получить следующие результаты.

Во-первых, анализ показал, что изучаемые показатели достаточно сильно варьировались за исследуемый период времени. Так, доля бракованной продукции на предприятии варьировалась в диапазоне от 1% до 10%. При этом в половине случаев этот показатель был выше 5% (медианное значение). В среднем, доля бракованной продукции составила 5,3%, однако в каждом отдельном случае этот показатель мог быть выше или ниже в среднем на 3,1 процентных пункта (стандартное отклонение). Таким образом, коэффициент вариации для показателя доли бракованной продукции составил 58%, что существенно выше пороговой величины в 33% и свидетельствует о высокой степени неоднородности изучаемой совокупности и необходимости выделения подгрупп для дальнейшего более корректного анализа. В качестве фактора, формирующего такие группы, согласно авторской гипотезе, может выступать показатель наличия нарушений в сроках отгрузки продукции.

Время простоя оборудования в период проведения исследования варьировалось в диапазоне от 1 до 12 часов. При этом в половине случаев этот показатель был выше 4 часов (медианное значение). Время простоя оборудования, в среднем, составляло 4,33 часа. Таким образом, коэффициент вариации для показателя время простоя оборудования составил 26%, что ниже пороговой величины в 33% и говорит о низкой степени неоднородности изучаемой совокупности и возможности использования для анализа и прогнозирования усредненных показателей.

Во-вторых, проведенный анализ показал наличие различий в значениях как доли бракованной продукции, так и времени простоя в двух группах наблюдений. Первую группу составили наблюдения, для которых наблюдались нарушения сроков отгрузки (9 случаев), вторую группу составили наблюдения без нарушений сроков отгрузки (5 случаев).

Описательная статистика по проведенному анализу представлена в таблице 1.

Описательная статистика показателей «Время простоя оборудования» и «Доля брака» в разрезе нарушений сроков отгрузки продукции

Нарушение сроков отгрузки	Доля брака, %		Время простоя, час	
	среднее	стандартное отклонение	среднее	стандартное отклонение
Есть нарушения	5,44	3,575	4,33	1,118
Отгружено вовремя	2,40	0,894	3,60	0,548

Таблица 1

В силу малого объема выборки и достаточно высокой волатильности данных строгие тесты еще не подтверждают статистическую значимость выявленных различий. Однако, на наш взгляд, полученные результаты все же позволяют говорить о следующих закономерностях: время простоя и процент бракованной продукции оказывают влияние на сроки отгрузки готовой продукции заказчику. В условиях производства увеличиваются сроки выполнения контрактных обязательств перед заказчиком. Также в результате наблюдений было отмечено, что благодаря увеличению суточной выработки станка, а также сокращений технологических операций удавалось сократить время изготовления готовой детали, что, в итоге, приводило к своевременной отгрузке готовой продукции. Схожие результаты были получены и другими исследователями. Так, например, О.В. Боровикова на основе ковариационного и дисперсионного видов анализа выявила обратную связь между уровнем брака и объемом выпуска продукции на предприятии, занимающемся производством пластмассовой упаковки [9].

В ходе исследования был рассчитан коэффициент Эта, который подтвердил наличие выявленных закономерностей (таблица 2). Значения

коэффициентов указывают на взаимосвязь (пока слабую) между изучаемыми показателями.

Взаимосвязь показателей «Время простоя оборудования» и «Доля брака» с показателем «Наличие нарушений сроков отгрузки продукции» (на основе коэффициента Эта)

Показатель	Доля брака	Время простоя оборудования
Нарушения сроков отгрузки	0,469	0,366

Таблица 2

В-третьих, методы аналитической инфографики позволили выявить группу «выбросов» – резко отличающихся от основной совокупности значений. На рисунке 1 представлен один из используемых для их выявления графиков – диаграмма размаха «ящик с усами», построенный на первой исследовательской итерации для переменной «Время простоя оборудования». На рисунке указаны номера наблюдений в выборочной совокупности, которые диагностируются в качестве «выбросов» по критерию Тьюки.

Диаграмма размаха для переменной «Время простоя оборудования» в зависимости от наличия нарушений сроков отгрузки продукции

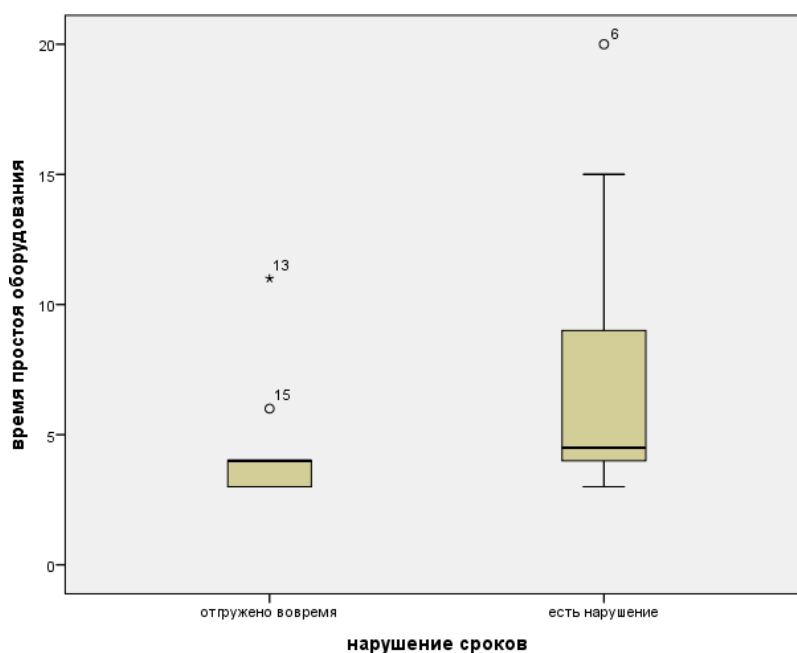

Рисунок 1

Совокупность диаграмм размаха позволила получить группу «выбросов» – наблюдений с нетипично высокими значениями либо доли бракованной продукции, либо времени простоя оборудования (таблица 3). Анализ показал, что в большинстве случаев такие значения появляются в связи с авариями оборудования на предприятии.

Нетипично высокие значения показателей «Время простоя оборудования» и «Доля брака» в разрезе нарушений сроков отгрузки продукции

Нарушения сроков отгрузки	Доля брака, %	Простои оборудования, час
есть нарушения	10	20
	6	12
	7	15
отгружено вовремя	5	4
	9	3
	8	11
	6	6

Таблица 3

Выводы исследования.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, исследование показало, что между сроками отгрузки продукции заказчику и процентом брака, а также временем простоя оборудования существует взаимосвязь. Она проявляется в следующем: увеличение количества брака влияет на непроизводительные расходы, а именно – на расходы сырья, материалов, заработной платы и других ресурсов. Таким образом, снижается объем производства и повышается себестоимость продукции. Несвоевременный выпуск и запуск продукции, имеет негативные последствия для производства, связанные с потерей заказчиков, нарушением финансовой стабильности предприятия.

Во-вторых, результаты проведенного исследования имеют прикладное значение и для исследуемого предприятия. Одним из эффективных способов решения, выявленных в ходе исследования

проблем ООО «ТЕХБУРГ», на наш взгляд, является развитие оперативного планирования. Для этого на предприятии необходимо вводить такие его инструменты, как система планирования загрузки оборудования, учет ТМЦ, планирование планово-предупредительных работ с оборудованием. Эти инструменты позволят на начальном этапе развития оперативного планирования снизить риски срыва сроков отгрузки продукции.

Список литературы:

1. Криводубский О.А. Методология, определяющая правила разработки моделей и алгоритмов систем управления в условиях информационной и технологической трансформации // Проблемы искусственного интеллекта. 2020. № 1 (16). С. 54-63.
2. Калачанов В.Д., Корчак В.Ю., Ковтун С.А., Ефимова Н.С. Разработка методов автоматизации управления производством в авиастроительной отрасли // Инновации и инвестиции. 2021. № 6. С. 188-196.
3. Туровец О.Г., Харитонов Н.Н. Организационно-экономические аспекты организации производственного процесса на предприятии // ЭКОНОМИНФО. 2020. №1. С. 5-9.
4. Ершова И.В. Оперативно-производственное планирование: учебное пособие / И.В. Ершова, Т.А. Минеева, Е.В. Черепанова. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2016. – 96 с.
5. Дубоносова А.Н. Система оперативного планирования основного производства // Справочник экономиста. 2021. № 10.
6. Дубровский В.В., Квасова Н.А., Пузанкова Е.А. Особенности оперативного планирования на промышленном предприятии при разных видах производства // Инновации и инвестиции. 2021. № 4. С. 94-96.
7. Живица Е.Н., Новикова И.В. Оперативное планирование производства // в сборнике: Научное сообщество XXI века. Сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. 2020. С. 31-34.
8. Ларина М.А., Сергеева И.А. Оперативное планирование основных производственных процессов с целью обеспечения экономической безопасности предприятий // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2020. № 25. С. 205-208.
9. Боровикова О.В. Применение дисперсионного и ковариационного анализа в управлении качеством продукции // Вестник Белорусско-Российского университета. 2020. №4 (69). С. 125-132.

References:

1. Krivodubsky O.A. Methodology that determines the rules for the development of models and algorithms for control systems in the conditions of information and technological transformation // Problems of artificial intelligence. 2020. No. 1 (16). pp. 54-63.
2. Kalachanov V.D., Korchak V.Yu., Kovtun S.A., Efimova N.S. Development of methods for automation of production management in the aircraft industry // Innovations and investments. 2021. No. 6. P. 188-196.

3. Turovets O.G., Kharitonova N.N. Organizational and economic aspects of the organization of the production process at the enterprise // *ECONOMINFO*. 2020. №1. pp. 5-9.
4. Ershova I.V. Operational and production planning: textbook / I.V. Ershova, T.A. Mineeva, E.V. Cherepanov. - Yekaterinburg: publishing house Ural. un-ta, 2016. - 96 p.
5. Dubonosova A.N. The system of operational planning of the main production // *Reference book of the economist*. 2021. No. 10.
6. Dubrovsky V.V., Kvasova N.A., Puzankova E.A. Features of operational planning at an industrial enterprise with different types of production // *Innovations and investments*. 2021. No. 4. P. 94-96.
7. Zhivica E.N., Novikova I.V. Operational planning of production // in the collection: *Scientific community of the XXI century. Collection of scientific papers based on materials of the VII International Scientific and Practical Conference*. 2020. P. 31-34.
8. Larina M.A., Sergeeva I.A. Operational planning of the main production processes in order to ensure the economic security of enterprises // *Collections of conferences of the Research Center Sociosphere*. 2020. No. 25. P. 205-208.
9. Borovikova O.V. Application of variance and covariance analysis in product quality management // *Bulletin of the Belarusian-Russian University*. 2020. No. 4 (69). pp. 125-132.

DOI: 10.58589/26866722_2023_75_88

УДК/UDC 343

К вопросу о совершенствовании механизма противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых лицами, с использованием информационно-коммуникационных технологий

Баженов Олег Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

г. Орел, Россия

e-mail: oleg_06_1975@mail.ru

SPIN-код: 4272-7750

Аннотация

Поскольку в последние годы происходит увеличение числа преступлений, связанных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе и в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, возникает необходимость изучения проблемных моментов применения уголовного закона в этой сфере. Данная статья посвящена вопросам совершенствования механизма противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Дается анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за данную разновидность преступных проявлений, приводятся статистические данные, отражающие показатели преступности в данной сфере, предлагаются пути совершенствования уголовного закона и практики его применения. В частности, предлагается снизить возраст привлечения к уголовной ответственности по ст. 228.1 УК РФ, усовершенствовать методические рекомендации для сотрудников правоохранительных структур, повысить их квалификацию.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, информационно-телекоммуникационные технологии, наркопреступность, уголовное законодательство, уголовная ответственность.

On the issue of improving the mechanism for countering crimes in the field of drug trafficking committed by persons using information and communication technologies

Bazhenov Oleg Nikolaevich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision

Oryol State University

Orel, Russia

e-mail: oleg_06_1975@mail.ru

SPIN code: 4272-7750

Abstract

Since in recent years there has been an increase in the number of crimes related to the use of information and telecommunication technologies, including in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, there is a need to study the problematic aspects of the application of criminal law in this area. This article is devoted to the issues of improving the mechanism of countering crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances. The analysis of criminal law norms providing for responsibility for this type of criminal manifestations is given, statistical data reflecting crime indicators in this area are given, ways of improving the criminal law and the practice of its application are proposed. In particular, it is proposed to reduce the age of criminal responsibility under Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, improve methodological recommendations for law enforcement officers, improve their qualifications.

Keywords: narcotic drugs, psychotropic substances, information and telecommunication technologies, drug crime, criminal legislation, criminal liability.

На сегодняшний момент потребление и распространение наркотических средств и психотропных веществ является одной из насущных проблем современной России. Президентом РФ был подписан соответствующий указ о Стратегии государственной антинаркотической политики до 2030 года [1]. Необходимо отметить, что для исследования проблем противодействия наркопреступности вопросы общественной опасности как незаконного оборота наркотиков в целом, так и незаконного оборота наркотиков, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, являются актуальными и нуждаются в детальной проработке.

По данным официальной статистики за первые девять месяцев 2022 года в РФ было зарегистрировано 135,5 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и хотя этот показатель несколько меньший, чем за аналогичный период 2021 года, растет число данных преступлений, совершенных с целью сбыта [2].

Особенностью преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков является их организованный характер, вовлечение все больших возрастных групп населения, в том числе молодежи, увеличение числа синтетических веществ, высокая латентность.

Современное общество характеризуется развитием высоких технологий, появляются новые наркотические вещества и средства, совершенствуются криминальные способы их распространения. В последние годы все более широко используются для распространения наркотиков современные возможности информационно-телекоммуникационных технологий. Количество совершенных таким способом преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, увеличилось почти в два раза.

Действующее уголовное законодательство по вопросам ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, постоянно меняется, однако продолжают оставаться нерешенными отдельные вопросы квалификации данных преступлений, нуждается в совершенствовании и практика применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Среди факторов, обуславливающих распространение наркопреступности в РФ и в мире в целом, следует назвать внедрение современных средств связи в наркобизнес, увеличение возможностей используемых электронных ресурсов в данной сфере.

Существуют программы для обмена сообщениями и создания анонимного доступа к ресурсам сети Интернет.

Данные программы повсеместно используются в наркобизнесе для согласования условий покупки наркотических средств, их стоимости, способа и условий оплаты, времени и места совершения сделки, а также получения информации о местонахождении «закладок» с наркотическими средствами. Использование таких программ создает условия для ведения бесконтактного наркобизнеса, исключая личное знакомство членов одной преступной группы между собой, при этом не ограниченного территориальными границами. Среди наиболее часто используемых программных продуктов встречаются: Skype, ICQ, Brosix и др. Всего в

ресурсах сети Интернет можно найти несколько десятков различных программ, позволяющих осуществлять обмен информацией и текстовыми сообщениями [3].

Для оплаты покупки наркотических средств используются электронные кошельки.

Сайты, форумы и социальные сети используются для рекламы наркотических средств, привлечения новых приобретателей и создания виртуальной среды для общения наркопотребителей и наркосбытчиков.

Использование описанных ресурсов сети Интернет лицами, заинтересованными в увеличении объемов сбыта наркотиков, направлено на создание в социальной среде ложного мнения о безвредности предлагаемых ими веществ, легальности совершаемых действий без негативных правовых последствий для приобретателя и в целях вовлечения в нее наибольшего количества участников.

В этой связи важным условием успешной деятельности по противодействию распространению наркотических средств, является усиление активности федеральными службами по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и правоохрнительными структурами по закрытию доступа к таким сайтам, тщательное отслеживание интернет-площадок, интернет-магазинов и рекламы в мессенджерах.

Крупнейшую торговую площадку, которая существовала в даркнете, Nyrda, удалось закрыть. Это стало возможным путем совместных усилий представителей правоохрнительных структур нескольких государств, но работу в данном направлении останавливать нельзя.

Поэтому одной из актуальнейших задач становится подбор квалифицированных кадров. Особенности преступлений рассматриваемого вида предполагают наличие у лица, работающего по ним специальных технических знаний, без которых производство каких-либо мероприятий

по делу становится затруднительным. Даже среди сотрудников Управления «К», специализирующегося на преступлениях в сфере информационно-коммуникационных технологий, не всегда есть хотя бы среднее техническое образование или высокий уровень навыков работы с цифровыми устройствами.

Более того, ученые отмечают, что даже эксперты, которые проводят судебные компьютерные экспертизы, не всегда должным образом владеют современными компьютерными технологиями [4].

Еще одной проблемой следует назвать нечеткость нормативных предписаний и ведомственных рекомендаций в части используемой терминологии.

Методические рекомендации для сотрудников соответствующих подразделений, ведущих борьбу с данной категорией преступлений, оперируют в основном понятием «компьютерное устройство». Однако, как показывает практика, стационарные компьютеры используются в преступной деятельности все реже и реже, как и ноутбуки или моноблоки, все активнее в криминальных целях используются сотовые телефоны, смартфоны или планшетные компьютеры, что объясняется их удобством и высокой степенью мобильности.

Не исключается возможность совершения преступления путем использования «умных» часов, устройств типа «умный дом», «умная колонка» и т.п. Сказанное еще раз подтверждает необходимость внесения соответствующих изменений в разъяснения МВД РФ и при необходимости пояснить специфику производства ОРМ или следственных действий в отношении иных цифровых устройств.

К числу проблем уголовно-правового характера следует отнести необходимость законодательного совершенствования положений УК РФ. В частности, возникает вопрос о возрасте привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств.

Большинство преступлений данной группы предполагают наступление уголовной ответственности с 16 лет, лишь по ст. 229 (хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ), установлена ответственность с 14 лет.

Минимальный возрастной порог привлечения к уголовной ответственности вызывает немало споров в научной среде. При его определении законодатель исходит из возможности лица должным образом осознавать общественную опасность своего деяния и руководить им.

Между тем, стадия личность подростка интенсивно формируется и до четырнадцати лет, и он в этом возрасте также может в полной мере сознавать наказуемость своих поступков. Довольно часто несовершеннолетние включаются в криминальную среду до достижения возраста привлечения к наказанию, совершают деяния, имеющие существенную общественную опасность и причиняющие тяжкие уголовно-правовые последствия. В частности, лица, не достигшие возраста привлечения к уголовной ответственности за незаконный сбыт наркотических средств, активно вовлекаются в эту противоправную деятельность, приобретая криминальный опыт.

В этой связи представляется целесообразным снизить возраст привлечения к уголовной ответственности за преступления данной категории до четырнадцати лет, в частности по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, поскольку распространение наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов активно осуществляется несовершеннолетними через социальные сети.

Таким образом, выявленные в ходе исследования проблемы совершенствования механизма противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых лицами с использованием информационно-коммуникационных технологий, нуждаются в своем

разрешении как с позиций совершенствования законодательной техники, так и в плане деятельности субъектов профилактики наркомании и незаконного оборота наркотиков в рамках глубоко продуманной и осмысленной государственной антинаркотической политики.

Список литературы:

1. Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года // Собрание законодательства РФ. 30.11.2020. № 48. Ст. 7710.
2. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-сентябрь 2022 года // МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/33388812/> (дата обращения: 25.11.2022).
3. Омигов В.И. Актуальные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков // Экономическая безопасность России. 20011. № 4. С. 100.
4. Семикаленова А.И. Особенности определения объекта судебной программно-компьютерной экспертизы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 12 (16). С. 72-74.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 733 dated 11/23/2020 "On approval of the Strategy of the State anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 30.11.2020. No. 48. St. 7710.
2. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-September 2022 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://мвд.рф/reports/item/33388812/> / (date of address: 11/25/2022).
3. Omigov V.I. Actual problems of combating drug trafficking // Economic security of Russia. 20011. No. 4. p. 100.
4. Semikalenova A.I. Features of determining the object of forensic software and computer expertise // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSU). 2015. № 12 (16). Pp. 72-74.

Уголовный закон как отражение общественной опасности неосторожных преступлений

Грибков Александр Васильевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Международный юридический институт

г. Тула, Россия

e-mail: aghaus@yandex.ru

SPIN-код: 1783-6650

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения теории уголовного права, отражающие сущность общественной опасности, как признака преступления, понятие о котором дается в ч.1 ст. 14 УК РФ. С другой стороны, общественная опасность рассматривается как объективное свойство состава преступления в целом. Таким образом, общественная опасность является универсальным критерием отнесения деяний к числу преступных независимо от формы вины при их совершении. Вместе с тем, анализ законодательной практики установления уголовной ответственности за неосторожные преступления показывает, что в ней сложился противоречащей теории уголовного права подход. Анализу сложившейся в настоящее время законодательной практики и порожденных ею противоречий посвящается настоящая статья.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, состав преступления, элемент состава преступления, уголовная ответственность, законодательная конструкция, умысел, неосторожность, уголовный закон, законодатель.

Criminal law as a reflection of the public danger of reckless crimes

Gribkov Alexander Vasilyevich

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law

Disciplines International Law Institute

of Tula, Russia

e-mail: aghaus@yandex.ru

SPIN code: 1783-6650

Abstract

The article discusses the main provisions of the theory of criminal law, reflecting the essence of public danger as a sign of a crime, the concept of which is given in Part 1 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation. On the other hand, public danger is considered as an objective property of the corpus delicti as a whole. Thus, public danger is a universal criterion for classifying acts as criminal, regardless of the form of guilt in their commission. At the same time, an analysis of the legislative practice of establishing criminal liability for reckless crimes shows that it has developed an approach that contradicts the

theory of criminal law. This article is devoted to the analysis of the current legislative practice and the contradictions generated by it. Keywords: crime, public danger, corpus delicti, element of corpus delicti, criminal liability, legislative structure, intent, negligence, criminal law, legislator.

Keywords: crime, public danger, corpus delicti, element of corpus delicti, criminal liability, legislative structure, intent, negligence, criminal law, legislator.

Общественная опасность, как материальный признак преступления, в отечественной науке уголовного права с советских времен продолжает оставаться в поле зрения исследователей. Как известно, изначально общественная опасность определяла категорическое отличие понимания преступления в условиях идеологического противостояния СССР и капиталистического мира. Однако и после развала Советского Союза, когда стала формироваться правовая система новой России, уголовное законодательство Российской Федерации сохранило общественную опасность как неотъемлемый признак преступления. Таким образом, общественная опасность со времен выхода в свет работы Ю. И. Ляпунова [1] продолжает оставаться универсальной категорией уголовного права.

Представляется, что, несмотря на исследование в работе Ю. И. Ляпунова умышленных преступлений, универсальность общественной опасности определяется, в том числе и тем, что понятие преступления, данное в ч.1 ст. 14 УК РФ, в равной мере относится как к умышленным, так и неосторожным деяниям. Между тем внесенные за время действия нового уголовного законодательства России в него изменения свидетельствуют о том, что общественная опасность не такое уж универсальное мерило, позволяющее относить к числу преступлений определенное проявление вредоносности человеческого поведения. При этом общественная опасность для законодателя во многих случаях не является критерием установления и дифференциации ответственности не только за умышленные и неосторожные преступления, но и за различные неосторожные преступления, причиняющие равный вред.

Справедливости ради надо отметить, что современные исследователи общественной опасности преступлений по-прежнему рассматривают этот признак, анализируя умышленные преступления. И даже одна из последних обстоятельных работ [2], посвященных пониманию сущности общественной опасности, основана на их анализе.

Традиционно посвященные общественной опасности современные исследования базируются на позиции одного из теоретиков отечественного уголовного права А. Н. Трайнина, считавшего общественной опасностью свойством любого состава преступления, при этом она аккумулируется через все его элементы и определяет уголовно-правовую характеристику содеянного [3, с. 30-31].

Несмотря на то, что в отдельных работах исследуется связь общественной опасности с отдельными элементами состава преступления, в частности, с объектом [4, с. 50], или рассматривается соотношение общественной опасности и противоправности деяния [5, с. 334], общественная опасность не перестает оставаться в теоретическом смысле всеобъемлющим свойством преступления в целом.

Таким образом, в современной науке уголовного права интерес к общественной опасности, как признаку преступления, вряд ли можно назвать дискуссионным, поскольку законодатель прямо закрепляет ее в определении понятия преступления, а разработанная теория вопроса в достаточной степени поставила все точки над *i*.

Представляется, что возвращение к общественной опасности, как к объективному свойству преступления, порождено, прежде всего, тем, что существует проблема отражения общественной опасности в законодательной практике. И в этом смысле вопрос об общественной опасности, безусловно, требует не только ее изучения, но и критического осмысления, поскольку законодателем иногда игнорируются достижения уголовно-правовой науки, приводящие не только к нарушению системы

уголовного законодательства, но и противоречащие конституционным положениям о приоритетности охраны личности [6].

В рамках данной статьи остановимся на отдельных примерах законодательной практики, связанной с конструкциями неосторожных преступлений. Традиционно неосторожные преступления с точки зрения вклада личности в их совершение являются менее опасными по сравнению с умышленными преступлениями. В них никогда не проявляется стремление виновного к причинению вреда, а последствия этих преступлений в той или иной степени носят случайный характер.

Проблема установления ответственности за неосторожные преступления в последнее время вполне объективно характеризуется, прежде всего, отношением законодателя к нарушениям в сфере безопасности дорожного движения [7, 8]. Но целесообразность нельзя противопоставлять не только законности, но и научности.

Памятуя о том, что общественная опасность есть свойство состава преступления в целом, следует подчеркнуть, что в некоторых неосторожных преступлениях, представленных в УК РФ, она определяется не только количеством вреда, но даже пост криминальным поведением личности, что не обнаруживается в умышленных преступлениях. Так оставление места дорожно-транспортного преступления после его совершения влечет повышенную ответственность (п.п. б ч. 2, 4 и 6 ст. 264 УК РФ), в то время как в умышленных преступлениях это даже не рассматривается как отягчающее обстоятельство.

Таким образом, законодатель, рассматривая пост криминальное поведение виновного, оставившего место преступления, как проявление его общественной опасности, выходит за рамки теоретических положений о том, что общественная опасность есть объективное свойство уже совершенного преступления. При этом речь идет только об одном и, следует особо подчеркнуть, неосторожном преступлении. Это не только

лишено логики, но и противоречит принципу справедливости. О теории уголовного права в данном случае говорить не приходится.

Закономерно, что общественная опасность деяния повышается, если в нем участвовали два и более лица. Поэтому институт соучастия позволяет законодателю в определенных случаях дифференцировать ответственность за участие в преступлении двух и более лиц, учитывая при этом не только степень согласованности их действий, но и роль каждого. Современный уголовный закон положил конец спорам о возможности соучастия в неосторожных преступлениях, однако сам же законодатель возродил эту дискуссию, указав в ч. 3 ст. 263.1 УК РФ возможность соучастия в неосторожном преступлении. Так ч.1 и 2 указанной статьи устанавливает ответственность для общего или соответственно специального субъекта за неисполнение требований по соблюдению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах, если эти деяния повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо причинение крупного ущерба. А в ч.3 ст. 263.1 УК РФ говорится о деяниях, предусмотренных **частями первой** или **второй** настоящей статьи, совершенных группой лиц по предварительному сговору либо повлекших по неосторожности смерть человека. Несоблюдение требований транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры или транспортных объектах может быть проявлением, как умысла, так и неосторожности. Правила безопасности дорожного движения также могут нарушаться умышленно или по неосторожности, однако их умышленное нарушение не меняет сути самого преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ – оно остается неосторожным. Именно об этом сказано в ч.2 ст. 24 УК РФ – «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

Не может быть оправдано использованное законодателем в ч.3 ст. 263.1 УК РФ группы лиц в качестве квалифицирующего обстоятельства и с позиции положений ст. 27 УК РФ, описывающей понятие двойной формы вины, когда в целом преступление признается совершенным умышленно. Дело в том, что о двойной форме вины речь идет тогда, когда «в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий». В анализируемом составе преступления само нарушение, даже если оно совершено умышленно, без наступления по неосторожности указанных в ч. 1 последствий, не является преступлением.

Не вдаваясь в подробности, тем не менее, следует отметить, что умышленное нарушение транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры в большей степени соответствует представлениям об акте терроризма или диверсии, соучастие в которых закономерно. Из этого следует, что и допущенные в рамках состава преступления, предусмотренного ст.263.1 УК РФ нарушения безопасности должны носить только неосторожный характер, а поэтому соучастие в нем невозможно.

В современной теории уголовного права презюмируется, что защита личности, ее прав и свобод в соответствии с Конституцией РФ является приоритетной. Именно поэтому Особенная часть Уголовного кодекса РФ начинается с раздела о преступлениях против личности. Однако анализ УК

РФ показывает, что, к сожалению, законодатель либо не знает об этом, что вряд ли, а если знает, то не придерживается этих положений.

Значимость объекта уголовно-правовой охраны, а, следовательно, характер общественной опасности деяния, находит свое отражение как в криминализации деяний, причиняющих вред, так и в санкциях соответствующих уголовно-правовых норм. Напомним, что наше исследование посвящается отражению в уголовном законе общественной опасности именно неосторожных деяний. Поэтому мы не будем анализировать умышленные преступления, хотя и о них есть что сказать.

Итак, рассмотрим преступления, в которых причиняется вред здоровью личности, как непосредственному объекту уголовно-правовой охраны, по неосторожности и неосторожное причинение вреда здоровью личности в преступлениях, в которых личность является дополнительным объектом.

Современное уголовное законодательство и теория уголовного права свидетельствуют о том, что причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью личности по неосторожности не являются уголовно-наказуемыми деяниями. Уточним, что речь идет о преступлениях против личности. С точки зрения приоритетности защиты личности всякое причинение вреда иным охраняемым уголовным законом общественным отношениям является менее значимым в уголовно-правовом смысле, ибо следует помнить и о социальной значимости общественных отношений. В современном мире обеспечение общественной безопасности является не менее ценным, чем обеспечение прав и свобод личности. Но об этом надо говорить отдельно. Тем не менее, не сопоставляя охрану личности и общественной безопасности, остановимся на сопоставимых ценностях — здоровье и собственность. Да, в современном мире, в том числе и в представлениях российского обывателя, материальное благополучие превалирует над иными ценностями. И это объективно подтверждается из

каждого телевизора и в рекламе Интернета. Но законодатель не должен опускаться до уровня обывателя, поэтому вполне естественно возникает вопрос – собственность как объект уголовно-правовой охраны выше личности? Если нет, то почему неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества является преступлением, а причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, как посягательство на личность преступлением не является? Конечно, теперь можно возразить по поводу такой постановки вопроса. Обратимся к ст. 267 УК РФ. В ней не только устанавливается уголовная ответственность за создание угрозы жизни, здоровью и безопасности граждан либо угрозы уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц, но и за фактическое причинение по неосторожности легкого и средней тяжести вреда здоровью личности. Из этого следует, что теория уголовного права говорит о том, что неосторожное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью личности преступлением не является, а уголовный закон свидетельствует об обратном. В связи с этим возникает вопрос – что же должны брать за основу студенты, изучающие уголовное право?

В завершение рассмотрения поставленных в статье вопросов хотелось бы отметить следующее. К сожалению, позиции науки уголовного права и не только уголовного права в современной законодательной практике или не замечаются, или отрицаются. Это объясняется тем, что уровень образованности законодателя или его противопоставление научному сообществу достигло критической точки, позволяющей отрицать закономерности, или возобладала точка зрения, что целесообразность превышает законности.

С другой стороны, наука стала настолько зависимой и беспринципной, что не проявляет себя там и тогда, когда должна определять законодательную практику.

И в-третьих, состояние и науки, и законодательной практики отражает деградацию общества, как с точки зрения его образованности, так и с точки зрения отношения к тем ценностям, которые должны являться базовыми в обществе.

Список литературы:

1. Ляпунов Ю. И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права /Учеб. пособие для вузов МВД СССР, М-во внутр. дел СССР, Высш. юрид. заоч. шк. М. ВЮЗШ, 1989 (1990). 117 с.
2. Лопашенко Н. А., Голикова А. В., Кобзева Е. В., Ковлагина Д. А., Лапунин М. М., Хутов К. М.. Общественная опасность преступления: понятие и критерии верификации // Правоприменение. 2020. № 4. Т. 4 С. 124–140.
3. Трайнин А. Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин; составление, вступительная статья Н.Ф. Кузнецовой. Санкт-Петербург: Юридический центр "Пресс", 2004. 898 с.
4. Мальцев В. В. Понятие объекта преступления // Уголовное право. 2011. N 2 С. 47 - 52.
5. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. 346 с.
6. Побегайло Э. Ф. О бессистемности и криминологической необоснованности современного правотворчества // Преступность, уголовная политика, закон: материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2016. С. 135 – 140.
7. Коробеев А. И, Чучаев А. И. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу. - Уголовное право, - 2019, - № 5, С.48-58.
8. Ключев А. А. Об изменениях в Уголовный кодекс РФ, внесенных федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-фз. Ключев А. А. - Российский следователь, - 2021, № 5, С. 52-55.

References:

1. Yu. I. Lyapunov. Public danger of an act as a universal category of Soviet criminal law / Textbook for universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Ministry of Internal Affairs of the USSR, Higher. jurid. correspondence school. M. VYUZSH, 1989 (1990). 117 p.
2. N.A. Lopashenko, A.V. Golikova, E.V. Kobzeva, D.A. Kovlagina, M.M. Lapunin, K.M. Khutov. Public danger of crime: the concept and criteria of verification // Law enforcement. 2020. No. 4. Vol. 4 pp. 124-140.
3. Trainin A.N. Selected works / A.N. Trainin; compilation, introductory article by N.F. Kuznetsova. St. Petersburg: Law Center "Press", 2004. 898 p.
4. Maltsev V.V. The concept of the object of crime // Criminal law. 2011. N 2 p. 47 - 52.
5. Zhalinsky A.E. Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. M., 2009. 346 p.
6. Pobegailo E.F. On the unsystematic and criminological groundlessness of modern law-making // Crime, criminal policy, law: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. M., 2016. pp. 135 - 140.

7. A.I.Korobeev, A.I. Chuchaev. Traffic crimes: correcting mistakes or driving in a circle. - Criminal Law, - 2019, - No. 5, pp.48-58.

8. Klyuev A.A. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation introduced by Federal Law No. 146-fz of June 17, 2019. Klyuev A.A. - Russian investigator, - 2021, No. 5, pp.52-55.

**Компаративистский анализ зарубежного
законодательства стран англосаксонской правовой семьи и
норм российского уголовного законодательства
об ответственности за мошенничества
с использованием информационно-телекоммуникационных
технологий**

Петрякова Людмила Александровна
преподаватель кафедры уголовного права юридического института
Иркутский государственный университет
г. Иркутск, Россия
e-mail: poimanowa@mail.ru
SPIN-код: 3607-4003

Асташкина Полина Дмитриевна
студентка юридического института
Иркутского государственного университета
Иркутск, Россия
e-mail: p.astashkina52@gmail.com

Аннотация

В статье проанализировано уголовное законодательство некоторых зарубежных стран англосаксонской правовой семьи и нормы российского уголовного законодательства относительно вопросов квалификации таких составов преступлений как мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Установлено, что в Уголовном кодексе РФ ответственность за мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий наступает по ст. ст. 159, 159.3 и 159.6 УК РФ. Проведенное исследование позволило установить несколько подходов уголовно-правовой квалификации мошенничеств с таким способом по законодательству некоторых стран англосаксонской правовой семьи: как самостоятельный специальный состав преступления; как квалифицирующий признак; отсутствие самостоятельного состава, но указание на признак использования информационно-телекоммуникационных технологий в общем составе и др. Установлено, что в некоторых государствах кибермошенничества рассматривается не как преступления против собственности, а как преступления в сфере компьютерных технологий, что является отличительной особенностью в отношении подхода Российской Федерации при определении объекта данного вида преступных деяний.

Ключевые слова: мошенничество, мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, киберпреступность, сравнительный анализ, зарубежное законодательство.

Comparative analysis of foreign legislation of the countries of the Anglo-Saxon legal family and the norms of Russian criminal law on liability for fraud using information and telecommunication technologies

Petryakova Lyudmila Alexandrovna
Lecturer of the Department of Criminal Law
Law Institute
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
e-mail: poimanowa@mail.ru
SPIN code: 3607-4003

Astashkina Polina Dmitrievna
Student of the Institute of law
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia
e-mail: p.astashkina52@gmail.com

Abstract

The article analyzes the criminal legislation of some foreign countries of the Anglo-Saxon legal family and the norms of Russian criminal legislation regarding the qualification of such crimes as fraud using information and telecommunication technologies. It is established that in the Criminal Code of the Russian Federation, responsibility for fraud using information and telecommunication technologies comes under Articles 159, 159.3 and 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. The conducted research allowed us to establish several approaches to the criminal legal qualification of fraud in this way under the legislation of some countries of the Anglo-Saxon legal family: as an independent special corpus delicti; as a qualifying feature; the absence of an independent composition, but an indication of the use of information and telecommunication technologies in the general composition, etc. It has been established that in some states cyberbullying is considered not as crimes against property, but as crimes in the field of computer technology, which is a distinctive feature in relation to the approach of the Russian Federation in determining the object of this type of criminal acts.

Key words: fraud, fraud using information and telecommunication technologies, cybercrime, comparative analysis, foreign legislation.

На сегодняшний день развитие глобальной компьютерной сети интернет и информационно-телекоммуникационных технологий является неоспоримым преимуществом, которым обладает нынешнее поколение. Однако, несмотря на все возможные блага, такие как: улучшение коммуникаций; возможность работать и учиться дистанционно;

увеличение продукции из сферы развлечений и др., существует и иная сторона, это упрощение совершения разного рода преступлений.

Использование информационно-телекоммуникационных технологий возможно в различных преступных посягательствах (в частности, в данную группу входят кража, мошенничество, присвоение или растрата, совершенные с использованием компьютерных технологий, незаконный оборот компьютерных программ, предназначенных для осуществления транзакций, манипулирование рынком, хищение радиоактивных материалов, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, незаконный интернет-оборот порнографических материалов, незаконное получение государственных, коммерческих и банковских секретов посредством применения информационных технологий и проч.) [1]. Несомненно, количество преступлений, в которых преступники прибегают к способам совершения деяний осложненных технической стороной велико, однако, в рамках настоящего исследования, внимание было уделено мошенничеству с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Каждое государство устанавливает собственную систему регулирования и установления признаков, определяющих в дальнейшем возможность отнесения деяния в ту или иную группу преступлений исходя из нескольких оснований:

– принадлежность страны к определенной правовой семье (англосаксонская правовая семья; романо-германская правовая семья; страны СНГ и страны азиатского региона);

– определение подхода к квалификации рассматриваемого преступления (выделение преступления в самостоятельный специальный состав; определение признака «с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» как квалифицирующий; отсутствие специального состава как такового и др.).

В связи с выявленными особенностями было принято решение в проведении компаративистского анализа уголовно-правовых норм России и стран англосаксонской правовой семьи по вопросу квалификации мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Проведение такого рода исследования позволит определить наличие или отсутствие возможности интегрировать сложившиеся в практике зарубежных стран подходы к квалификации обозначенного выше преступления.

Ученые отмечают особую роль сравнительных исследований в рамках противодействия глобальным проблемам современности, т.к. для достижения положительного результата государствам необходимо принять единообразную политику предотвращения наступления неблагоприятных последствий, что возможно только путем внедрения единообразной системы норм права, которая должна эффективно выполнять свою функцию в условиях любой национальной правовой системы [2].

Так, в странах англосаксонской правовой семьи особое внимание уделяется судебному прецеденту, который в данной правовой семье выступает одним из источников права, что не свойственно другим правовым семьям. Однако, принадлежность к одной правовой семье вовсе не означает, что нормы о мошенничестве с использованием информационно-телекоммуникационных технологий обязательно будут совпадать.

При анализе уголовного законодательства таких стран как США, Великобритания, Канада и Новая Зеландия была выявлена общая тенденция при квалификации мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или преступлений обманного характера, как наличие самостоятельной специальной

уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за такой вид преступного деяния.

Согласно Своду законов США, составы мошенничества относятся к главе 47 «Мошенничество и ложные заявления». Сама глава объединяет в себе достаточно большое количество составов и непосредственно видов мошенничества, однако в рамках проводимого исследования особый интерес представил §1030 «Мошенничество и сопряженная с ним деятельность, связанная с компьютерами». Согласно данному параграфу: тот, кто сознательно и с намерением обмануть получает доступ к защищенному компьютеру без авторизации или превышает разрешенный доступ, и посредством такого поведения способствует предполагаемому мошенничеству и получает что-либо ценное, если только объект мошенничества и полученная вещь не состоят только из использования компьютера и ценности такого использования составляет не более 5000 долларов США в течение любого годового периода [3]. Стоит отметить, что, несмотря на первоначальное сходство, данная норма толкуется иначе, чем предусмотренная УК РФ норма об ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159^б УК РФ). Ч. 1 ст. 159^б УК РФ определяет, что хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется посредством использования компьютерной информации путем ввода, удаления, блокирования, модификации и иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей [4], т.е. конструктивным признаком такого преступного деяния является использование компьютерной информации, и законодателем установлен открытый перечень действий, посредством которых возможно осуществить использование.

Норма Свода законов США содержит два необходимых действия, первое – получение доступа к защищенному компьютеру без авторизации, либо превышение разрешенного доступа, вторым же действием будет являться непосредственно совершение мошенничества. С нашей точки зрения, отсутствием в норме указания на конкретные действия, совершаемые при использовании компьютера, законодатель лишь обозначает, что мошенничество совершается посредством использования компьютера, однако каким образом будет использовано указанное средство преступления значения для квалификации не имеет. Важным признаком является намерение преступника использовать компьютер именно с целью совершения дальнейшего мошенничества.

Еще одной особенностью мошенничества и сопряженной с ним деятельностью, связанной с компьютерами, является указание законодателя на возможный продолжаемый характер деяния (продолжаемое преступление), так как, имущественный ущерб в результате обманного хищения с использованием компьютера может быть причинен в результате нескольких тождественных действий, совершенных за один календарный год, и сумма общего ущерба, нанесенного преступником за обозначенный период не должна быть менее 5000 долларов США.

В уголовном законодательстве Великобритании содержится схожая по содержанию норма со ст. 159⁶ УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за совершение мошенничества с использованием компьютерных технологий. Однако, в Законе о преступлениях обманного характера 2006 г. предусмотрены нормы, аналогов которым в уголовном законодательстве иных зарубежных стран нет. Разделы 6 и 7 Закона о преступлениях обманного характера 2006 г. предусматривают уголовную ответственность за владение, изготовление и поставку предметов, используемых для мошенничества.

Содержание раздела 6 Закона о преступлениях обманного характера 2006 г. выражается во владении или осуществлении контроля над любым предметом (включая любую программу или данные в электронной форме), предназначенным для использования в преступлениях обманного характера [5]. Стоит отметить, что норма не подразумевает выполнение объективной стороны мошенничества при данном составе преступления, однако наличие ответственности за подобного рода деяния отражает намерение законодателя привлекать к ответственности за действия подготовительного характера к совершению мошенничества. Считать данные разделы затрагивающими мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий позволяет указание на предмет, которым владеет, изготавливает либо поставляет преступник. Это могут быть как специальные программы, при помощи которых осуществляются мошеннические схемы: QFM – мошенничество с программами ввода-вывода данных; QFP – мошенничество с платежными средствами посредством использования компьютера, а также иного технического оборудования и др.; так и данные в электронной форме, что в конечном итоге указывает не только на использование, но и в отдельных случаях на создание оборудования относимого к информационно-телекоммуникационным технологиям.

Стоит так же отметить, что данный состав преступления по конструкции объективной стороны является формальным. Для наступления уголовной ответственности отсутствует необходимость в возникновении каких-либо последствий или имущественного ущерба, нанесенного собственнику. Так же для квалификации по данному составу преступления нет надобности в совершении последующего мошенничества. Достаточно лишь владеть либо изготовить предмет целью использования которого является мошенническое действие.

В уголовном кодексе Канады ст. 403 установлена уголовная ответственность за мошенничество с использованием личных (идентификационных) данных потерпевшего. Для того, чтобы понять, что канадский законодатель имеет в виду под понятием личные (идентификационные) данные, следует обратиться к ст. 402.1 УК Канады. Кроме очевидных имени, адреса, даты рождения и др. данных сюда же относятся «...электронная подпись, цифровая подпись, имя пользователя, кредитный номер карты, номер дебетовой карты, пароль...» [6]. Тем самым, проведя аналогию с российским уголовным правом можно сделать вывод, что данная норма содержит в себе два отдельных состава предусмотренных УК РФ, а именно ст. 159³ УК РФ (Мошенничество с использованием электронных средств платежа), за тем исключением, что в канадской норме предусмотрено лишь использование данных электронного средства платежа и не подразумевается использование физического средства платежа (кредитные и дебетовые карты); ст. 159⁶ УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации), поскольку под личными (идентификационными) данными в УК Канады понимаются электронная и цифровая подпись, имя пользователя, пароли и иные данные, относящиеся к компьютерной информации. Но канадский уголовный закон, в отличие от российского, не выделяет способы использования указанных данных, что позволяет сделать вывод, что любое использование таких данных с целью мошенничества подпадает под действие ст. 403 УК Канады.

В уголовном кодексе Новой Зеландии также имеются нормы о мошенничествах с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, однако интересным является то, что отнесено данное преступление не к преступлениям против собственности, а к главе о преступлениях, связанным с компьютерами.

Ст. 249 УК Новой Зеландии предусматривает уголовную ответственность за доступ к компьютерной системе с нечестной целью. Доступ к компьютерной системе с нечестной целью законодателем раскрывается как прямое или косвенное получение доступа к любой компьютерной системе и таким образом, нечестное или путем обмана, без предъявления прав получение любой собственности, привилегии, услуги, денежного преимущества, выгоды и ценного вознаграждения [7]. И отнесение такого состава преступления именно к компьютерным преступлениям является логичным и обоснованным.

С той формулировкой деяния, которую предлагает новозеландский законодатель, на первый план выходит не хищение чужого имущества посредством обмана, а действия, осуществляемые с компьютером, т.е. сам доступ к компьютерной системе, использование которой имеет цель на дальнейшее совершение мошенничества. Однако, остается неясным, следует ли в данном случае последствие в виде уголовной ответственности только по данной норме уголовного закона или мошенничество с доступом к компьютерной системе, а соответственно мошенничество с использованием такой системы являет собой совокупность общего состава о мошенничестве и дополнительно вменяется доступ к компьютерной системе с нечестной целью. Стоит отметить, что норма разделена на оконченное и неоконченное преступление. Моментом окончания данного преступления выступает получение преступником имущественной выгоды в виде завладения чужим имуществом с использованием компьютерной системы.

Подводя итоги проведенного исследования было установлено, что несмотря на принадлежность стран к одной правовой семье, каждое государство по-разному подходит к решению вопроса не только о квалификации, но и о криминализации того или иного деяния охватывающего мошенничество с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий. Нормы являются нетождественными по содержанию общественных отношений, которым причиняется вред в результате совершения кибермошенничества. Как было установлено, такого рода преступления могут рассматриваться не только в рамках составов о преступлениях против собственности, но и быть охвачены разделами и главами, посвященными преступлениям против компьютерной безопасности.

В абсолютном большинстве исследуемых стран, так или иначе установлены нормы, позволяющие квалифицировать деяние не по общему составу мошенничества, а прибегнуть к специальным составам. Однако, при анализе уголовного законодательства стран англосаксонской правовой семьи не было выявлено специальной единой нормы, по которой было бы возможно квалифицировать мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Ближе всего к такой формулировке нормы подошел Свод законов США, устанавливающий ответственность за мошенничество, посредством использования компьютерной техники. Стоит отметить, что на сегодняшний день и в российском законодательстве отсутствует специальная норма для квалификации таких деяний, в связи с чем в зависимости от обстоятельств, квалификация осуществляется по трем нормам – ст. ст. 159, 159³ и 159⁶ УК РФ.

По нашему мнению, базируясь на опыте квалификации кибермошенничеств стран англосаксонской правовой семьи и учитывая особенности системы российского национального права, нет необходимости в создании самостоятельной нормы посвященной мошенничеству с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в уголовном законодательстве Российской Федерации. На сегодняшний день более удачным вариантом представляется разработка квалифицирующего признака "мошенничество

с использованием информационно-телекоммуникационных технологий" в ст. 159 УК РФ, так как нельзя отрицать, что мошенничество с указанным способом совершения преступления представляет более повышенную общественную опасность в отношении ч. 1 ст. 159 УК РФ.

Список литературы:

1. Семькина О. И. Противодействие киберпреступности за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6(61). С. 104-113.
2. Зернов А. О., Воскресенская Е. В., Индык К. П. Сравнительные исследования: разновидности и роль в правовых науках // The Scientific Heritage. 2021. № 70-4(70). С. 33-35.
3. U. S. Code // Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (дата обращения 18.11.2022).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996. № 63-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Fraud Act 2006 // The Crown Prosecution Service. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/fraud-act-2006> (дата обращения 19.11.2022).
6. Criminal Code // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-54.html#h-122702> (дата обращения 20.11.2022).
7. Crimes Act 1961 // New Zealand Legislation. URL: <https://legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM330422.html> (дата обращения 20.11.2022).

References:

1. Quote from: Semykina, O. I. Countering cybercrime abroad // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2016. No. 6(61). pp. 104-113.
2. Zernov, A. O., Voskresenskaya E. V., Indyk K. P. Comparative studies: varieties and role in legal sciences // The Scientific Heritage. 2021. No. 70-4(70). pp. 33-35.
3. U. S. Code // Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1030> (date of application 18.11.2022).
4. The Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63-FZ of 13.06.1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. St. 2954.
5. Fraud Act 2006 // The Crown Prosecution Service. URL: <https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/fraud-act-2006> (date of application 19.11.2022).
6. Criminal Code // Justice Laws Website. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46/page-54.html#h-122702> (date of application 20.11.2022).
7. Crimes Act 1961 // New Zealand Legislation. URL: <https://legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM330422.html> (date of application 20.11.2022).

DOI: 10.58589/26866722_2023_75_116

УДК/UDC 343

Некоторые проблемы организации зонального контроля за деятельностью подчиненных следственных подразделений

Попов Павел Андреевич
слушатель факультета подготовки руководителей (начальников) территориальных органов внутренних дел
Академия Управления МВД России
г. Москва, Россия
e-mail: Popov.pavel111@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена отдельным проблемам, возникающим в ходе организации и реализации зонального контроля за деятельностью подчиненных следственных подразделений. Опираясь на проведенные опросы сотрудников территориальных следственных подразделений и организационно-зональных отделов, автор выявляет наиболее актуальные проблемы и вносит предложения по их разрешению, направленные на оптимизацию взаимодействия подконтрольных органов и ОЗО.

Ключевые слова: зональный контроль, организация зонального контроля, предварительное следствие, ведомственный контроль.

Some problems of the organization of zonal control over the activities of subordinate investigative units

Popov Pavel Andreevich
Student of the Faculty of training heads (chiefs) of territorial internal affairs bodies
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russia
e-mail: Popov.pavel111@mail.ru

Abstract

The article is devoted to certain problems that arise during the organization and implementation of zonal control over the activities of subordinate investigative units. Based on the conducted surveys of employees of territorial investigative units and organizational-zonal departments, the author identifies the most pressing problems and makes proposals for their resolution aimed at optimizing the interaction of the controlled bodies and the OZO.

Keywords: zonal control, organization of zonal control, preliminary investigation, departmental control.

Организационно-зональные отделы (далее – ОЗО), в качестве приоритетного направления имеют упорядочивание деятельности

территориальных следственных подразделений, реализуемую преимущественно посредством воздействия на управленческую деятельность руководителей данных подразделений.

Формами зонального контроля являются документальный и фактический, содержание которых следует из их наименований. В рамках документального контроля осуществляется систематическое обобщение информационных документов, характеризующих условия, организацию и результаты работы подчиненных подразделений, анализ данных документов, постоянное наблюдение за деятельностью территориальных следственных органов и оценка результатов. Фактический зональный контроль заключается в проведении периодических проверок территориальных следственных подразделений, путем выезда сотрудников ОЗО в подконтрольные следственные отделы [1].

Все функции, реализуемые зональными отделами, представляется возможным подразделить на две группы: контроль и оказание практической помощи. При этом, анализ осуществления деятельности ОЗО на практике позволяет утверждать, что в реализации данных функций существует значительное количество проблем, без устранения которых эффективная реализация зонального контроля невозможна. В рамках данной статьи остановимся на некоторых из них.

Контрольные функции преимущественно реализуются путем изучения уголовных дел, находящихся в производстве подконтрольных следственных подразделений [2]. Осуществляются данные функции как путем запроса уголовных дел для изучения, так и в ходе их анализа в случае обращения следователей за получением согласия на принятие определенных процессуальных решений. Здесь необходимо отметить, что нормами УПК РФ предусмотрено, что продление срока предварительного следствия свыше трех месяцев осуществляется руководителем следственного органа по субъекту РФ, до трех месяцев данное решение

принимает непосредственно руководитель того органа, в производстве которого находится уголовное дело. В то же время, в подавляющем большинстве регионов изданы приказы, в соответствии с которыми продление срока расследования до трех месяцев также в обязательном порядке должно быть согласовано с руководителем следственного органа по субъекту РФ. Положениями данных приказов определен порядок согласования рассматриваемого решения: следователь, в производстве которого находится уголовное дело, а также руководитель следственного подразделения, не позднее чем за 10 суток до истечения срока предварительного следствия, должны прибыть в ОЗО с постановлением о продлении срока расследования и в ходе служебного совещания обосновать необходимость продления срока следствия.

С одной стороны, подобный подход позволяет избежать волокиты по уголовным делам, исключить необоснованные продления сроков расследования [3], с другой стороны, для соблюдения указанных требований нередко требуются существенные временные и материальные затраты, в особенности в тех случаях, когда территориальный орган находится на значительном удалении от организационно-зонального отдела. В некоторых субъектах страны данный процесс оптимизирован и согласование решения о продлении срока предварительного расследования происходит дистанционно: с использованием видеоконференцсвязи или путем направления соответствующих документов в электронном виде. При этом, произведенные опросы руководителей и следователей территориальных подразделений свидетельствуют о том, что рассматриваемый формат согласования решения о продлении срока расследования им видится наиболее оптимальным (90 % указанных респондентов полагают, что это позволит обеспечить в должной степени контроль за расследованием уголовных дел и избежать излишних затрат). Однако, по мнению сотрудников ОЗО, подобный подход не позволяет

изучить материалы уголовных дел, обсудить недостатки расследования, в связи с чем, 70% из числа опрошенных сотрудников ОЗО полагают целесообразным формат обсуждения решения о продлении срока расследования на совещании при личном участии следователя и руководителя территориального следственного подразделения. Представляется, что аргументированной аналитической записки, содержащей аргументацию невозможности окончания расследования в установленный срок, вполне достаточно для осуществления надлежащего контроля, в связи с чем, следовало бы принять единый приказ для всех следственных подразделений органов внутренних дел, определяющий оптимальный порядок согласования постановлений о продлении срока предварительного расследования, унифицируя дистанционную форму.

Аналогичные проблемы возникают не только при принятии решения о продлении срока следствия, анализ практики различных регионов свидетельствует о том, что подобные требования предусмотрены и в случае принятия решений о возбуждении уголовных дел по определенным преступлениям, отказа в возбуждении уголовного дела, принятии решения о прекращении, о приостановлении следствия в связи с розыском подозреваемого (обвиняемого). Предлагается предусмотреть единый порядок согласования всех процессуальных решений, что позволит унифицировать и оптимизировать практику реализации зонального контроля на территории всей страны.

Как еще одну существенную проблему осуществления зонального контроля, видится необходимым рассмотреть вопросы оказания практической помощи сотрудникам подконтрольных следственных подразделений. Опросы следователей свидетельствуют о том, что фактически данная помощь реализуется исключительно путем направления методических рекомендаций по расследованию определенных видов преступлений, обобщений положительного опыта, а также путем

дачи указаний по уголовным делам о направлении хода расследования. В то же время, многие недостатки в расследовании обусловлены не отсутствием у следователей территориальных подразделений соответствующих знаний методик расследования, а большой нагрузкой по уголовным делам, возникающей, в том числе, и вследствие неукomплектованности подразделений [4]. К сожалению, данный фактор практически не учитывается в ходе проведения служебных проверок в отношении следователей, допустивших волокиту по уголовным делам, оценка деятельности осуществляется лишь на основании изученного уголовного дела (к примеру, указывается, что в течение длительного времени с момента возбуждения уголовного дела не произведены осмотры вещественных доказательств, допросы свидетелей и т.д.). Подобный подход можно объяснить зачастую и недостаточной компетентностью сотрудников зонального отдела, не имеющих достаточного опыта расследования уголовных дел.

В настоящее время на должности следователей ОЗО могут быть назначены лица, имеющие стаж работы в органах предварительного следствия не менее трех лет, этого явно недостаточно для того, чтобы выявлять действительные недостатки в расследовании, давать рекомендации практического характера. Влечет подобный подход и организационные проблемы, связанные с субординацией, поскольку на практике распоряжения руководителей ОЗО по отношению к руководителям территориальных следственных подразделений озвучивают следователи зональных отделов, требуя их исполнения, что нередко приводит к конфликтам. Проведенные опросы руководителей территориальных следственных подразделений свидетельствуют о том, что многие из них (чуть более 60%), считают возможным игнорировать требования следователей ОЗО, расценивая их как нарушение субординации. При этом, на недостаточную компетентность сотрудников

ОЗО обращают внимание 70 % опрошенных сотрудников следственных подразделений (следователей и руководителей).

Решением рассматриваемой проблемы видится установление повышенных требований к сотрудникам организационно-зональных отделов. Прежде всего, они должны включать в себя наличие достаточного опыта по расследованию уголовных дел, в том числе, очевидных, оканчиваемых путем направления уголовных дел в суд (в ходе проведенных опросов было выявлено, что 5 % респондентов из числа сотрудников ОЗО имели лишь опыт расследования неочевидных уголовных дел). Полагаем, что стаж работы в органах предварительного расследования для назначения на должность сотрудника ОЗО должен составлять не менее 5 лет. Кроме того, поскольку деятельность таких сотрудников сопряжена не только со знанием особенностей расследования уголовных дел, но и имеет управленческие черты, необходимо наличие руководящего опыта. Полагаем, что было бы целесообразным, в случае отсутствия такого опыта у претендентов на должности в ОЗО, направлять их в территориальные следственные подразделения для исполнения обязанностей руководителей (заместителей) следственных органов, например, на время отпуска лиц, занимающих соответствующие должности. Подобная практика будет способствовать ознакомлению со следственными подразделениями, которые впоследствии будут подконтрольны сотруднику ОЗО, получению навыков управленческой работы и четкому пониманию нагрузки в конкретном подразделении. Это, в свою очередь, обеспечит возможность оказания сотрудниками ОЗО необходимой практической помощи подконтрольным следственным органам, а также исключит случаи необоснованного привлечения к дисциплинарной ответственности руководителей и сотрудников территориальных следственных подразделений.

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод о том, что организационно-зональными отделами следственных подразделений выполняются важные функции контроля и оказания практической помощи подконтрольным следственным органам. Но эффективной реализуемая ОЗО деятельность может быть лишь при условии оптимизации контроля и решении существующих проблем, для чего, прежде всего, требуется повышение компетенции сотрудников ОЗО, в связи с чем, предлагается предусмотреть возможность назначения на должности в организационно-зональные отделы сотрудников, имеющих не менее 5-лет стажа в органах предварительного следствия и имеющих опыт направления уголовных дел в суд, а также не менее 6 месяцев руководящего опыта в следственных подразделениях. Кроме того, необходима унификация порядка согласования в ОЗО отдельных решений, принимаемых следователями по уголовным делам, для чего требуется издание единого приказа, распространяющего свое действие на всю территорию страны, определяющего виды таких решений и дистанционный порядок их согласования.

Список литературы:

1. Гаджиева А. А. Ведомственный контроль за предварительным следствием: понятие и правовая природа // NovaInfo.Ru. 2020. № 111. С. 58-60.
2. Захаров С. С. Ведомственный контроль за деятельностью следователя органа внутренних дел при продлении сроков предварительного следствия // В сборнике: Обеспечение безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации: правовые проблемы и перспективы. Сборник статей 49-ой Всероссийской научной конференции студентов, магистров и молодых ученых, посвященной празднованию 90-летия УГПИ УдГУ. 2021. С. 376-380.
3. Скуратов Ю. И. Современные проблемы реформирования предварительного расследования в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 3. С. 477-488.
4. Щеколдин П.А. Механизмы функционирования системы ведомственного контроля за деятельностью органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на районном уровне // Закон и право. 2013. № 4. С. 88-93.

References:

1. Gadzhieva A.A. Departmental control over the preliminary investigation: the concept and legal nature // NovaInfo.Ru . 2020. No. 111. pp. 58-60.
2. Zakharov S.S. Departmental control over the activities of the investigator of the internal affairs body when extending the terms of the preliminary investigation // In the collection: Ensuring the security of the individual, society and the state in the context of globalization: legal problems and prospects. Collection of articles of the 49th All-Russian Scientific Conference of students, masters and Young scientists dedicated to the celebration of the 90th anniversary of UGPI UdGU. 2021. pp. 376-380.
3. Skuratov Yu.I. Modern problems of reforming the preliminary investigation in the Russian Federation // All-Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. No. 3. pp. 477-488.
4. Shchekoldin P.A. Mechanisms of functioning of the system of departmental control over the activities of the preliminary investigation bodies of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia at the district level // Law and Law. 2013. No. 4. pp. 88-93.

УДК/UDC 343.14

Цифровые (электронные) данные как новый источник доказательств в уголовном процессе

Цыкунова Ирина Николаевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса
Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
г. Гомель, Республика Беларусь
e-mail: Tsykunova@gsu.by

Паникаренко Эльвира Вячеславовна
студентка юридического факультета
Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
г. Гомель, Республика Беларусь
e-mail: elvirapanikarenko@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается актуальность исследования вопросов, касающихся законодательного закрепления и использования цифровых (электронных) данных, выделения их в качестве самостоятельного источника доказательств в уголовном процессе. Изучены мнения некоторых авторов, высказанные в юридической литературе, относительно того, что следует относить к цифровым доказательствам, сделан вывод о том, что носители компьютерной информации, относящейся к рассматриваемому источнику доказательств в уголовном процессе, постоянно совершенствуются и создаются новые, что обуславливает её хранение не только на компьютерах, соответственно, возникает необходимость использовать наиболее общее понятие «цифровые (электронные) доказательства». Обращается внимание на опыт законодателя Социалистической Республики Вьетнам, закрепившего в 2015 году в Уголовно-процессуальном кодексе «электронные данные» как самостоятельный источник доказательств. Статья содержит определение цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе, а также положительные стороны их законодательного закрепления и использования в процессе доказывания при расследовании преступлений, рассмотрении и разрешении уголовных дел.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, источник доказательств, цифровые данные, электронные доказательства.

Digital (electronic) data as a new source of evidence in criminal proceedings

Tsykunova Irina Nikolaevna
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of
Criminal Law and Procedure
Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus
e-mail: Tsykunova@gsu.by

Panikarenko Elvira Vyacheslavovna
student of the Faculty of Law
Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus
e-mail: elvirapanikarenko@gmail.com

Abstract

The article reveals the relevance of the study of issues related to the legislative consolidation and use of digital (electronic) data, highlighting them as an independent source of evidence in criminal proceedings. The opinions of some authors, expressed in the legal literature, have been studied regarding what should be attributed to digital evidence, it has been concluded that the carriers of computer information related to the considered source of evidence in the criminal process are constantly being improved and new ones are being created, which causes its storage not only on computers, respectively, there is a need to use the most general concept of "digital (electronic) evidence". Attention is drawn to the experience of the legislator of the Socialist Republic of Vietnam, who in 2015 enshrined "electronic data" in the Code of Criminal Procedure as an independent source of evidence. The article contains the definition of digital (electronic) evidence in criminal proceedings, as well as the positive aspects of their legislative consolidation and use in the process of proof in the investigation of crimes, consideration and resolution of criminal cases.

Keywords: criminal process, evidence, source of evidence, digital data, electronic evidence.

Актуальность. В настоящее время достаточно большое количество сфер общественной жизни связано с цифровой реальностью, что стало следствием значимости информационных технологий в управлении ими. Однако помимо положительной стороны всегда имеет место и отрицательная сторона, находящая своё проявление в том, что цифровая реальность стала не только средой, но и средством совершения преступлений, по цифровым следам которых органы, ведущие уголовный процесс (орган дознания, следователь, прокурор, суд), имеют возможность восстановить полную картину происшедшего события. В сфере осуществления уголовно-процессуальной деятельности встречаются и используются разнообразные цифровые устройства, например, мобильные телефоны, смартфоны, жёсткие диски, флеш-накопители, содержащие в себе достаточно важную для органов уголовного преследования и суда информацию, которую часто невозможно изъять, закрепить и исследовать без использования знаний, навыков и умений специалиста. В действующем

на данный момент уголовно-процессуальном законодательстве многих государств не закреплена в полном объёме указанная выше информация в качестве источника доказательств. Следовательно, теоретическое осмысление вопросов, касающихся нормативного определения и использования в уголовно-процессуальном доказывании цифровых (электронных) данных, выделения их в качестве самостоятельного вида доказательств, является актуальным и значимым.

Методы исследования. Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных, частнонаучных и специальных методов исследования, что способствовало рассмотрению вопросов, связанных с определением цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе, их законодательным закреплением и использованием в процессе доказывания по уголовным делам.

Важнейшими методами, нашедшими применение для раскрытия темы, стали методы анализа и синтеза, толкования правовых норм, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Анализ точек зрения отдельных авторов о том, что можно считать цифровыми данными, позволил прийти к выводу о необходимости использования общего понятия «цифровые (электронные) доказательства». Применение метода толкования правовых норм позволило уяснить содержание правовых норм, посвященных доказательствам и доказыванию в уголовном процессе Республики Беларусь. При проведении исследования использовался формально-юридический метод, в результате чего стало возможным определение термина «электронные доказательства» в уголовном процессе. Изучение законодательного опыта Социалистической Республики Вьетнам, в Уголовно-процессуальном кодексе которой закреплены «электронные данные» как самостоятельный источник доказательств, осуществлялось посредством обращения к сравнительно-правовому методу исследования.

Результаты исследования. Цифровые (электронные) доказательства не нашли законодательного закрепления не только в Республике Беларусь, но и в других государствах-участниках Содружества Независимых Государств. Однако некоторые исследователи в юридической литературе к цифровым доказательствам относят компьютерную информацию, являющуюся той информацией, которая находится, соответственно, в памяти самой компьютерной системы, на машинных или иных носителях в форме, доступной для восприятия компьютерной системой, или передаётся по каналам связи [1]. Указанная информация подлежит хранению, чаще всего, на жёстком диске компьютера, компакт-диске, флеш-накопителе, в цифровой камере, смартфоне, «облаке». Так, например, в зарубежных странах подобная информация в своё время получила название «компьютерные доказательства», относящиеся к самостоятельному виду доказательств. Однако в связи с тем, что носители такой информации постоянно совершенствуются и создаются новые, что обуславливает её хранение не только на компьютерах, зарубежные учёные и практики стали использовать наиболее общее понятие «цифровые доказательства».

Следует отметить, что компьютерная информация и носители такой информации имеют особые специфические свойства, которые выделяются многими специалистами, рассматривающими вопрос закрепления цифровых данных как нового источника доказательств в уголовном процессе. Так, Р. И. Оконенко говорит о том, что для цифровых данных характерно формирование их посредством не только физических закономерностей, но и программного алгоритма, заданного разработчиками той или иной программы [2].

В. Ю. Стельмах, в свою очередь, высказывает достаточно интересную точку зрения относительно того, «идеальными» или же «материальными» следами являются цифровые данные. Он указывает, что электронная информация, существуя в виде электромагнитных импульсов,

хоть и обладает некоторыми признаками «идеального» следа, она всё же имеет и те собственные признаки, которые не являются характерными ни для «материальных», ни для «идеальных» следов, поскольку электронная информация может находиться не на всех материальных объектах, а только в памяти компьютеров и на электронных носителях и при копировании такой информации её первоисточник не претерпевает никаких изменений (за исключением случаев использования при копировании дефектных или вредоносных программ), что делает в отношении электронной информации понятия «оригинал» и «копия» весьма условными [3].

Для регламентации цифровых (электронных) данных как источника доказательств в Республике Беларусь представляет интерес опыт законодателя Социалистической Республики Вьетнам, закрепившего в 2015 году в Уголовно-процессуальном кодексе «электронные данные» как самостоятельный источник доказательств, определив при этом те характеристики, которые присущи только данному источнику доказательств. Так, к ним относятся следующие:

- они автоматизированно формируются в виде цифровых сигналов и существуют, и хранятся в зависимости от свойств программного обеспечения устройства;

- эти данные могут быть произвольно удалены или модифицированы во время копирования, передачи, хранения вследствие различных причин: наличия вирусов в программном обеспечении, памяти, существования команды самоуничтожения информации при попытке ее копирования, не санкционированного пользователем и т. д. [4].

Как отмечено выше, цифровые (электронные) доказательства не получили законодательного закрепления в Республике Беларусь. Однако на официальном уровне впервые дается определение понятия «электронные доказательства» в проекте Кодекса гражданского

судопроизводства, разработанного Верховным Судом Республики Беларусь и вынесенного в марте 2022 года на общественное обсуждение. Так, к электронным доказательствам «будут относиться содержащие сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, электронные документы, текстовые, мультимедийные и голосовые сообщения, базы данных и другие данные в электронной форме, а также размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет информация» [5]. По словам заместителя председателя Верховного Суда Республики Беларусь, председателя судебной коллегии по экономическим делам Ю. В. Кобеца, «электронные доказательства предлагается выделить в качестве самостоятельного вида средств доказывания. В проекте регламентируются особенности их представления суду, их исследования, проверки и оценки судом, а также дальнейшего хранения и возвращения» [5].

С учетом вышеизложенного, наиболее приемлемым представляется следующее определение цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе – «сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела, содержащиеся на электронных носителях информации, в том числе электронные документы, текстовые, мультимедийные и голосовые сообщения, базы данных и другие данные в электронной (цифровой) форме, а также информация, размещенная в глобальной компьютерной сети Интернет».

На основе цифровых данных, полученных с соблюдением установленного порядка их собирания и приобщения к уголовному делу специальным постановлением (определением), орган уголовного преследования и суд в закреплённом уголовно-процессуальным законодательством порядке имеет возможность установить наличие или отсутствие тех обстоятельств, которые подлежат доказыванию по определённому уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих

значение для дела, поскольку информация, находящаяся на цифровых носителях, имеет преимущество в том, что она является полной, ясной, истинной, объективной и нейтральной, так как исходит из электронного документа, не имеющего субъективного фактора, в отличие, например, от показаний свидетеля, которые могут быть противоречивыми.

В настоящее время в Республике Беларусь те или иные документы в электронном виде, размещённые на материальном носителе, при соблюдении порядка их получения, установленного Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь), могут относиться к такому виду источников доказательств, как вещественные доказательства. Перечень объектов, которые могут выступать в качестве вещественных доказательств по уголовному делу, закреплён в ст. 96 УПК Республики Беларусь [6]. Материальные носители доказательственной информации законом разделены на группы: предметы; деньги и иные ценности; документы. Заметим, что этот перечень имеет открытый характер. Так, вещественными доказательствами наряду с предметами, послужившими орудием и средством совершения преступления, или сохранившими следы преступления, или ставшими объектом преступных действий, деньгами и иными ценностями, полученными преступным путем, могут быть признаны все другие предметы и документы, которые могут служить средством по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчению ответственности обвиняемого.

Однако необходимо обратить внимание на способы получения, закрепления и использования подобных доказательств, поскольку в законодательстве отсутствует регламентация порядка получения непосредственно цифровой информации, что приводит к применению на практике органами, ведущими уголовный процесс, имеющихся в УПК

Республики Беларусь способов, подменяя выполняемое в действительности процессуальное действие существующими уголовно-процессуальными формами. Так, в ст. 204¹ УПК Республики Беларусь предусмотрен осмотр компьютерной информации, не учитывающий возможность нахождения цифровой информации на иных носителях, помимо компьютера. Соответственно, необходимо регламентировать не только цифровые (электронные) данные как источник доказательств, то есть закрепить электронные доказательства в качестве самостоятельного вида источников доказательств, но и установить процессуальные правила и требования к их обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению, особенности их проверки и оценки, а также меры, принимаемые в отношении электронных доказательств при разрешении уголовных дел, что соответствовало бы современным реалиям.

Относительно обнаружения, фиксации, изъятия и сохранения цифровых данных как источника доказательств Е. И. Галяшина указывает, что необходимо руководствоваться принципами, закреплёнными Международной организацией по компьютерным доказательствам (ЮСЕ) [7]. При этом, помимо указанных принципов, Международная организация по компьютерным доказательствам привела определения основных понятий, которые касаются цифровых данных, что представляет интерес для более полного закрепления положений о цифровых данных как новом источнике доказательств в уголовном процессе. Такими понятиями являются следующие:

- цифровое доказательство – информация, сохранённая или переданная в бинарной форме, которая может быть использована в суде;
- оригинальное цифровое доказательство – физические средства и информационные объекты (данные), связанные с этими средствами на момент изъятия;

– дубликат цифрового доказательства – точное цифровое воспроизведение всех данных, содержащихся на оригинальном физическом средстве;

– копия – точное воспроизводство информации, содержащейся в данных независимо от оригинального носителя [8].

Заключение.

Использование цифровых данных в качестве самостоятельного источника доказательств в уголовном процессе (электронные доказательства) представляет собой довольно перспективное направление развития и совершенствования доказывания как главного и единственного законного средства изобличения лиц, совершивших преступления. Стремительное развитие технического прогресса способствует появлению новых способов совершения преступлений с использованием компьютерных технологий и в отношении компьютерной информации. Следы совершения таких преступлений существуют только в электронном виде, в связи с чем при их выявлении, раскрытии и расследовании, а также рассмотрении уголовных дел перед правоприменителем возникают определенные вопросы, которые невозможно разрешить без использования цифровых данных. В современном мире крупные организации имеют электронный документооборот, существуют различные базы данных государственных и негосударственных организаций, в которых может содержаться важная для расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел информация. Наконец, в последнее время всё чаще используются современные технические способы обнаружения и фиксации доказательственной информации, содержащейся в электронном виде, например, сведений из социальных сетей, переписки из электронной почты, мессенджеров. Соответственно, широкий спектр задач, которые могут быть решены при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений, рассмотрении и разрешении уголовных дел посредством

использования в уголовно-процессуальном доказывании цифровых (электронных) данных, закономерно позволяет отвести им особое место в системе источников доказательств, исходя из значимости их возможностей в установлении обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела.

В целях совершенствования уголовно-процессуального законодательства, где особое место отведено нормам, посвященным доказательствам и доказыванию, полагаем целесообразным закрепить в УПК Республики Беларусь цифровые данные (электронные доказательства) в качестве самостоятельного вида источников доказательств, а также регламентировать процессуальные правила и требования к их обнаружению, фиксации, изъятию и сохранению, проверке и оценке, определить меры, принимаемые в отношении электронных доказательств при разрешении уголовных дел.

Список литературы:

1. Никитин Ю. Глобальная сеть интернет как источник информации, значимой для расследования уголовных дел. Часть 2 // Информационно-правовая система ЭТАЛОН-ONLINE. URL: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/istochnik-informatsii-dlya-rassledovaniya-ugolovnykh-del-2/> (дата обращения: 27.11.2022).
2. Оконенко Р. И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва: изд-во МГЮА, 2016. 158 с.
3. Стельмах В. Ю. Электронная информация в доказывании по уголовным делам: способы получения и место в системе доказательств // Библиотека криминалиста. 2018. № 3. С. 93-100.
4. Карташов И. И. «Цифровые доказательства» в уголовном процессе // Центральный научный вестник. 2016. 15S. С. 23-25.
5. Кобец Ю. Разработка проекта Кодекса гражданского судопроизводства – важнейший шаг в развитии отечественной судебной системы // Верховный Суд Республики Беларусь. URL: <https://court.gov.by/Intervjyu/vistupleniya/publikacii/04b7fdca00904f47.html> (дата обращения: 27.11.2022).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г., № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

7. Галяшина Е. И. Оценка достоверности цифровых фонограмм в уголовном процессе // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Междунар. науч. практ. конференции, посвящ. памяти док. юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской: сборник науч. трудов. М.: Элит, 2011. С. 131-142.

8. Цит. по: Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // LEX RUSSIA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2019. № 7. С. 74-84.

References:

1. Nikitin Yu. The global Internet as a source of information relevant to the investigation of criminal cases. Part 2 // Information and legal system ETALON-ONLINE. URL: <https://etalonline.by/novosti/mnenie/istochnik-informatsii-dlya-rassledovaniya-ugolovnykh-del-2/> (accessed: 11/27/2022).

2. Okonenko R. I. "Electronic evidence" and the problems of ensuring the rights of citizens to protect privacy in criminal proceedings: comparative analysis of the legislation of the United States of America and the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. sciences': 12.00.09 // Moscow: MGUA Publishing House, 2016. 158 p.

3. Stelmakh V. Yu. Electronic information in proving criminal cases: ways of obtaining and place in the evidence system // Library of criminalist. 2018. No. 3. pp. 93-100.

4. Kartashov I. I. "Digital evidence" in criminal proceedings // Central Scientific Bulletin. 2016. 15S. pp. 23-25.

5. Kobets Yu. The development of the draft Code of Civil Procedure is the most important step in the development of the domestic judicial system // The Supreme Court of the Republic of Belarus. URL: <https://court.gov.by/Intervjyu/vistupleniya/publikacii/04b7fdca00904f47.html> (accessed: 11/27/2022).

6. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus: July 16, 1999, No. 295-Z: adopted by the House of Representatives on June 24, 1999: approved by the Council of the Republic of Belarus on June 30, 1999: as amended. The Law of Rep. Belarus from 20.07.2022 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2022.

7. Galyashina E. I. Assessment of the reliability of digital phonograms in criminal proceedings // Proving and decision-making in modern criminal proceedings: materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to memory dock. jurid. of sciences, Prof. Polina Abramovna Lupinskaya: collection of scientific works. Moscow: Elite, 2011. pp. 131-142.

8. Cit. po: Voronin M. I. Electronic evidence in the Criminal Procedure Code: to be or not to be? // LEX RUSSIA (RUSSIAN LAW). 2019. No. 7. pp. 74-84.